

На правах рукописи

МАХЛАЮК Александр Валентинович

**ТРАДИЦИИ, МЕНТАЛЬНОСТЬ
И ИДЕОЛОГИЯ РИМСКОЙ
ИМПЕРАТОРСКОЙ АРМИИ**

*Специальность 07. 00. 03 –
Всеобщая история (история древнего мира)*

**Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук**

Нижний Новгород – 2004

Работа выполнена на кафедре истории древнего мира и средних веков исторического факультета Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук, профессор

Кузищин Василий Иванович

доктор исторических наук, профессор

Парфенов Виктор Николаевич

доктор исторических наук, профессор

Сизов Сергей Кузьмич

Ведущая организация: Санкт-Петербургский государственный университет

Защита состоится «22» июня 2004 г. в 13 часов на заседании Диссертационного совета Д 212.166.10 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук при Нижегородском государственном университете по адресу: 603005, Нижний Новгород, ул. Ульянова, 2, ауд. 315.

С диссертацией можно ознакомиться в фундаментальной библиотеке Нижегородского государственного университета по адресу: 603950, Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23, корп. 1.

Автореферат разослан «___» _____ 2004 г.

Ученый секретарь
Диссертационного совета,
доктор исторических наук, профессор

Корнилов А.А.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. В силу особых исторических условий развития римской *civitas* военные потребности и задачи имели определяющее влияние на весь уклад жизни древних римлян, их государственный строй, идеологию, мораль и «национальный» характер. Социальные и государственно-политические структуры Рима всегда находились в теснейшей взаимосвязи с эволюцией его военной организации. Беспрецедентные достижения римлян в военной сфере, поразительная эффективность созданной ими военной машины оставались непревзойденными на всем протяжении истории античного мира и служили в последующие эпохи образцом для подражания. История римской армии, насыщенная событиями и сравнительно хорошо документированная разнообразными источниками, представляет непреходящий интерес с точки зрения воплощенного в ней огромного опыта строительства вооруженных сил на профессиональной основе, их взаимоотношений с государством и обществом. Ее изучение уже давно стало одной из ведущих отраслей антиковедения. В самое последнее время в русле новейших тенденций современной исторической науки в изучении римской армии явственно обозначился поворот к проблематике, которая относится к исследовательским приоритетам социальной истории, истории ментальностей и такой новой дисциплины, как военно-историческая антропология. Внимание историков все больше концентрируется на роли «человеческого фактора» в жизнедеятельности армии, на своеобразии ментально-психологического типа римского солдата, специфике социальных связей внутри воинского сообщества, отношениях армии с гражданским населением, различных сторонах взаимоотношений солдат и полководцев, религиозно-культовой практике как основе воинских добродетелей и армейской корпоративности. Исследование этой проблематики, обеспечивая существенное приращение конкретных знаний по военной истории Рима, не только открывает новые возможности для более глубокого понимания важнейших закономерностей развития военной организации в сравнительно-исторической перспективе, но и подводит к широкому анализу кардинальных основ римской цивилизации вообще. Изучение римской армии в таком ракурсе самым непосредственным образом связано с одной из «осевых» проблем римской истории позднереспубликанского и императорского Рима – проблемой взаимодействия, взаимоопосредования республикански-полисных тра-

диций и нивелирующих тенденций централизованной сверхдержавы. Противоречивое, подвижное единство этих начал, «республикански-имперская двусмысленность государственного бытия» (Г.С. Кнабе), наглядно обнаруживается и в истории императорской армии.

Отмеченное направление является одним из наиболее перспективных в новейшей историографии. Но при всех его достижениях на этом новом исследовательском поле остается немало незатронутых или недостаточно изученных проблем, требующих дальнейших конкретных изысканий и теоретического осмысления. В научной литературе пока еще отсутствуют обобщающие труды, специально посвященные изучению комплекса военных традиций, социокультурных и ментально-идеологических факторов в жизнедеятельности римской императорской армии. Все это обуславливает научную актуальность выбранной темы исследования.

Объектом исследования является римская императорская армия как специфическое воинское сообщество, субъект социальной, политической и военной истории. Такой ракурс рассмотрения требует сосредоточить основное внимание на социокультурных «механизмах» воспроизводства данного сообщества, к которым относятся традиции, понимаемые как интегральное выражение разнообразных социально организованных стереотипов человеческой деятельности, и различные ментально-идеологические комплексы, определявшие мировосприятие римских военных, матрицы их сознания и поведения. Именно военные традиции и ценности как составная часть военной культуры, воинская ментальность и идеология императорской армии, в том числе и идеология военного лидерства, составляют предмет исследования. При этом, не упуская из вида всего многообразия и целокупного единства военных традиций Рима, их обусловленности социальными, военно-техническими, тактическими, государственно-правовыми, сакральными и прочими факторами, основное внимание в диссертации уделяется тем из них, которые в наибольшей степени взаимосвязаны со сферой ментальных и идеологических установок. Комплекс военных традиций и ментально-идеологических феноменов рассматривается в пяти сферах их проявления, наиболее существенных для целостной характеристики роли армии в государстве и социуме, а именно – в социальной, политической, военно-этической, религиозно-идеологической, а также в сфере осуществления функций военного командования. Главное внимание сосредоточено на тех устойчивых характеристиках, которые отличали римского солдата и воинское сообщество в целом, но прежде всего его легионное ядро, составлявшее основу всех вооруженных сил и в наибольшей мере сохранявшее приверженность исконным традициям рим-

ского военного устройства. Акцент делается на синхронистическом освещении основополагающих традиций, ценностных ориентаций и разного рода идеологем, которые с большей или меньшей степенью устойчивости существовали в «большом времени».

Хронологические рамки исследования определяются спецификой изучаемого предмета, этапами эволюции военной организации принципата и состоянием источниковой базы. Процесс превращения гражданского ополчения в постоянную профессиональную армию начался в Риме задолго до установления принципата и завершился приблизительно к середине I в. н. э. Происходившие затем изменения в целом не носили принципиального характера, и армию Ранней империи можно рассматривать как достаточно стабильную систему, в которой эволюция играла относительно второстепенную роль и преобладали постоянные элементы. При этом очевидно, что многие римские военные традиции и ценности по самой своей природе отличались весьма консервативным, инерционным характером. Уходя своими истоками в глубокую древность, органически связанные с римской идентичностью, они, хотя и получали новое наполнение, сохранялись – если и не как жизненная реальность, то, во всяком случае, как некий идеал – до тех пор, пока римская цивилизация существовала как определенная целостность. Многие факты, характеризующие военные традиции и систему ценностей, представлены в источниках очень неравномерно. Если наиболее информативные литературные источники с известной полнотой освещают позднереспубликанский период и первое столетие Империи, то юридические, эпиграфические и папирусные материалы в массе своей относятся к более поздним периодам. Кроме того, многие античные историки, писавшие о ранней истории Рима, часто ориентировались на современные им реалии и проблемы, привнося в описания далекого прошлого взгляды более поздней эпохи. Свои очень устойчивые каноны предъявляла к политическому и историографическому дискурсу античная риторика, в топосах которой конденсировались традиционные моральные и идеологические представления. Все это обуславливает необходимость обращения к фактам, событиям и источникам, относящимся к широкому временному диапазону. Отсюда – достаточно условные и довольно широкие хронологические границы исследования – от периода становления военной системы Империи, охватывающего, по меньшей мере, последнее столетие Республики, и до времен Поздней империи IV в., когда императорская армия, несмотря на целый ряд серьезных преобразований, продолжала в той или иной степени сохранять многие прежние традиции.

Степень изученности темы и проблематики исследования*. Для развития историографии римской армии определяющее значение имел период, охватывающий середину и последние десятилетия XIX в., когда, благодаря введению в научный оборот эпиграфических и археологических данных, появился ряд фундаментальных трудов общего и специального характера, которые во многом определили главные направления в изучении военной организации Рима (работы Л. Ланге, К. Зонклара, К. Ламерра, В. Пфнитцера, О. Мюллера, Л. Фонтэна и др.). Не все из них выдержали проверку временем и по разным причинам достаточно быстро устарели. Но некоторые из работ XIX в. не утратили своего значения, как капитальные руководства по римским институтам И. Марквардта и А. Буше-Леклерка, в которых дано систематическое освещение римской военной организации. Немалое внимание ей уделил крупнейший немецкий ученый Теодор Моммзен и в своем основополагающем труде по римскому государственному праву, и в многочисленных конкретных исследованиях. Важные замечания о характере армии в период Поздней республики высказал он и в своей «Истории Рима», в частности, подчеркнув, что в это время в войске исчезло всякое гражданское и даже национальное чувство и только корпоративный дух остался внутренним связующим звеном. Ряд интересных замечаний о сохранении в императорской армии республиканских традиций высказал Г. Буассье (1875).

Большой вклад в разработку многих вопросов истории римской армии внес А. фон Домашевский, разрабатывавший очень широкий круг вопросов – от политической роли армии до римской военной архитектуры. Его работы о военных знаменах (*signa militaria*) и религии (1885, 1895), а также капитальное исследование о системе чинов императорской армии (1908) сохраняют свою ценность. И хотя многие выводы немецкого историка устарели, критический пересмотр отдельных его взглядов стимулировал дальнейшее углубленное изучение различных аспектов римской военной организации. В самом конце XIX – начале XX в. появился ряд этапных работ по военной истории Рима. Г. Дельбрюк в «римских» главах своего труда подчеркнул специфику римской воинской дисциплины, коренившейся в самом римском народном характере и в твердой административной власти магистратов, отметил особую роль центурионов в сохранении военных традиций Рима, высказал тезис о том, что римская армия и римское государство держались не только благодаря дисциплинарным мерам, но и благодаря «отвлеченно-

* История изучения римской императорской армии и историография, относящаяся к теме исследования, подробно рассматриваются в параграфах 3–5 главы 1.

му понятию воинской чести», органически связанному с солдатской религией. Но этот верный вывод не получил сколько-нибудь подробного обоснования. Более развернутые суждения по этим аспектам высказал Ш. Ренель, который подробно охарактеризовал роль *sigla* в военных ритуалах, в утверждении корпоративного духа легионов и других воинских частей (1903). Не все мнения автора по отдельным вопросам можно принять, но важно само его стремление рассматривать культовую практику армии во взаимосвязи с солдатской психологией и традициями армии. Этим исследование Ренеля отличается от сугубо фактографической работы П. Штайнера (1906), который, рассматривая систему наград, практически никак не затронул их значения в системе воинских ценностей.

Развитие историографии в первые десятилетия XX в. отмечено как продолжением конкретных исследований в русле намеченных ранее направлений и подходов, так и появлением ряда важных работ общего плана. Интересный ракурс в изучении солдатских мятежей в Риме предложил В. Мессер (1920), отметив в них проявление определенной целостной традиции и указав, что такие эпизоды отнюдь не противоречат мнению об эффективности римской военной системы, но, напротив, могут рассматриваться как показатель способности римских солдат самостоятельно мыслить и действовать. В эти десятилетия были написаны многие статьи о римских военных институтах для «Реальной энциклопедии» Паули-Виссовы. Некоторые из них можно отнести к работам монографического плана, как, например, развернутые статьи о римском легионе, написанные В. Кубичеком (период Республики) и Э. Риттерлингом (период Империи) (1924-1925). Среди других работ можно отметить подробное изложение истории военного дела и военного искусства Рима в работе И. Кромайера и Г. Фейта (1928), книгу А. Паркера о римских легионах (1927), монографии М. Дюрри (1938) и А. Пассерини (1939) о преторианской гвардии, подробно осветившие ее историю, политическую роль, проблемы внутренней жизни. В работах Р. Канья (1892) и Ж. Леклье (1918) на основе документальных источников были наиболее подробно освещены различные стороны истории римской армии в провинциях (Африка и Египет) и затронуты вопросы духовного облика и социального положения солдат. Суммируя результаты конкретных исследований своего времени, все эти работы существенно обогатили общую картину истории римской армии, прежде всего с точки зрения исторической эволюции различных элементов военной системы. Однако тема воинских традиций и ментальности не получила специальной разработки. В данный период эта тема если и затрагивалась, то преимущественно в контексте изучения религиозной жизни

армии, военной дисциплины (А. Хоуи, И. Ричмонд, А. Нок, В. Басанов: И. Зулсер, Дж. Карри, А. Нойман) и некоторых частных сюжетов. В довоенный период определились и некоторые новые подходы к проблемам военной политики отдельных принцепсов, социально-политической роли армии и взаимоотношений императора и войска. Здесь надо отметить ряд общих работ по истории принципата, в которых были сформулированы некоторые концептуальные выводы и подходы, получившие впоследствии развитие или вызвавшие оживленную полемику. М.И. Ростовцев в своем классическом труде по истории Римской империи акцентировал проблему социального состава армии, изменениями в котором определялась и ее политическая роль. В концепции Ростовцева многое представляется спорным, но именно его идеи во многом стимулировали более пристальное исследование социально-политической роли армии. А. фон Премерштайн (1937) подробно остановился на различных аспектах взаимоотношений принцепса и армии, определив их сущность как особую форму клиентелы, которая, зародившись еще в первые десятилетия I в. до н.э., сыграла важную роль в развитии своеобразной римской монархии, а монополизация принцепсом положения патрона армии была одной из важнейших основ его власти.

Развитие историографии в послевоенный период характеризуется дальнейшим расширением источниковой базы и тематики исследований, заметным обновлением исследовательских подходов, постановкой новых проблем в соответствии с общим прогрессом современного антиковедения. На качественно новый уровень поднялось изучение роли армии в жизни отдельных провинций. Среди большого числа монографий и коллективных трудов по этой теме разносторонностью исследуемой проблематики и оригинальностью суждений выделяются работы П. Ле Ру (1982), Я. Ле Бозка (1989), Р. Алстона (1995), в которых первостепенное внимание уделено социальным и ментально-идеологическим факторам в жизни армейских группировок, соответственно, в Испании, Африке и Египте. Активно разрабатываются и такие традиционные темы, как организационная структура вооруженных сил Империи, порядок чинов, положение в армейской иерархии и обществе отдельных ранговых групп (М.П. Спейдель, Д. Бриз, Б. Добсон, Э. Зандер, Х. Дивийвер, Ж. Нели-Клеман и др.). В исследование командного состава императорской армии большой вклад внес Э. Бёрли. Он, в частности, попытался реабилитировать высших военачальников эпохи Империи, выделив особую группу *virī militares* – высших военачальников сенаторского ранга, которые отличались особенностями прохождения карьеры и занимали ответственные наместнические посты в наиболее важных в военном отношении провинциях, являясь своего рода военными «про-

фессионалами». Эта концепция встретила решительные возражения в статье Б. Кэмпбелла (1975), чьи аргументы и выводы хотя и не получили признания большинства специалистов, но вызвали новый виток дискуссии о «профессионализме» римских «генералов». Надо, однако, заметить, что в аргументации сторонников концепции *virī militares* как «профессиональных генералов» (В. Экк, Г. Альфёльди, М. Жиромски, Энт. Бёрли, И. Фитц) основной упор делается на просопографические построения и обычно элиминируются особые взгляды самих римлян на подготовку военачальников и саму сущность военного руководства. Один из аспектов этой темы, связанный со спецификой системы военного образования в Риме, рассмотрел тот же Б. Кэмпбелл, развивая точку зрения на римских «генералов» как фактических «любителей» (1987), и этот его подход заслуживает дальнейшего развития.

Ориентация на социально-историческую проблематику проявилась в исследованиях социального состава и социально-политической роли армии в римском обществе. Тщательный анализ документальных данных в работах Дж. Форни (1953; 1974), К. Крафта (1951), Дж. Манна (1983) и др. позволил более четко выделить этапы в эволюции политики рекрутирования, существенно уточнить или пересмотреть прежние взгляды. Важным направлением стало изучение различных сторон внутренней, повседневной жизни армейского организма, его демографической структуры, экономического положения солдат и ветеранов и прочих социальных аспектов (Р. Дейвиз, В. Шайдел, Л. Вишовски). Они недавно получили подробное освещение в книге Г. Веш-Кляйн (1998), хотя и не претендующей на оригинальные концептуальные суждения, но ценной как обобщение, учитывающее все наличные источники и современные исследования.

Одной из ведущих тем в послевоенной историографии стала роль армии в период кризиса Республики и перехода к принципату. Большой вклад в изучение этой темы внесли работы Р. Смита (1958), Ж. Армана (1967; 1974), Э. Габбы, Э. Эрдманн (1972), Х. Ботерманн (1968), Х. Айгнера (1974), Л. Кеппи (1984). Большинство исследователей в настоящее время признает постепенность процесса профессионализации армии и подчеркивает континуитет традиций в военной организации позднереспубликанского и императорского Рима. Поднимается и вопрос о формировании в постоянной армии особых ценностей и психологии, прежде всего корпоративного духа и чувства личной преданности полководцу, но подробных специальных исследований по этой проблеме в современной историографии пока нет. То же самое можно сказать и о таком вопросе, как солдатские мятежи: в последние годы появился целый ряд добротных исследований конкретно-исторического и источниковедче-

ского плана по отдельным мятежам (Э. Габба, С. Хрисантос, М. Вильямс и др.), но нет ни одной специальной работы, в которой бы этот феномен рассматривался с точки зрения его специфических традиций. Не нашли достаточного отражения в современной литературе и правовые аспекты солдатского мятежа. Характер и формы участия императорской армии в политике освещаются в общих работах по истории принципата, в исследованиях отдельных ее периодов и событий (П. Жаль, Г. Грассль, Ф. Хартманн и др.), а также в литературе, посвященной самой императорской армии (М. Грант). Среди новейших исследований интересный подход предложен Э. Флайгом (1992). Автор исходит из характеристики армии как «тотальной организации», в которой вырабатывалась сильная горизонтальная солидарность, определявшая идентичность солдат и рассматривавшаяся ими как высшая ценность наряду с преданностью императору, и отмечает тесную связь принцепса и армии, основанную на принципе «верность в обмен на привилегии». Большинство исследователей в целом разделяет тезис Премерштайна о складывании в последние десятилетия Республики патронатно-клиентских отношений между полководцами и подчиненными им войсками и о монополизации этой клиентелы в эпоху Империи принцепсом (И. Блейкен, К. Крист, К. Раафлауб). Однако концепция «персональных» армий и войсковой клиентелы периода Поздней республики подверглась критике в статье Н. Рулана (1979). По его мнению, ни с политической, ни с юридической, ни с социологической, ни с моральной точек зрения нельзя выделить некую военную специфику клиентелы и говорить об армиях-клиентах. Аргументация Рулана, безусловно, заслуживает самого внимательного разбора, и ее было бы интересно проверить на материалах императорского времени.

Для понимания солдатской ментальности и идеологии большое значение имеет изучение сакральных основ военной организации и религиозных культов, распространенных в армии. Среди работ по этой проблематике стремление к системному анализу и концептуальным обобщениям отличает содержательный очерк Дж. Хельгеланда (1978). Он рассматривает религиозную жизнь армии как основу воинских добродетелей и армейской корпоративности, считая, что вся военная жизнь римлян явно или неявно была религиозным феноменом — настолько глубоко сакральные начала пронизывали военные институты, ценности и традиции. В диссертации Г. Анкресдофера (1973), выполненной в традиционном ключе, суммированы все известные на начало 1970-х гг. данные о распространенных в армии культах, прослежено их историческое развитие, критически оценены и уточнены отдельные интерпретации, но существенные свежие идеи отсутствуют. Высказанные А. Ле

Бонньеком наблюдения и выводы о значении религии для военной деятельности в Риме (1969) получили развитие в монографии И. Рюпке о религиозных аспектах войны и военного дела в Риме (1990), которая охватывает главным образом эпоху Республики, но при рассмотрении отдельных вопросов (сакральное пространство военного лагеря, культ знамен) автор обращается и к императорскому времени, особое внимание уделяя роли полководца, который как посредник между войском и богами осуществлял все важнейшие ритуалы, а многие военные институты и обряды оказывались производными от этой его роли. Роль офицеров в религиозной жизни специально рассматривается и в других работах (И. Колендо, О. Штолль).

Военному праву, которое задавало многие базисные параметры военных традиций, посвящена обширная литература (в частности, работы С. Бранда, Г. Кулечки, В. Юффре, Э. Зандера, И. Юнга). Отметим здесь интересное исследование Ж. Вандран-Буайе (1983), в котором эволюция военно-правовых установлений и юридического положения солдат рассматривается с точки зрения специфики воинской профессии, в контексте социально-политических процессов и подчеркивается продолжение в военном праве императорского времени многих очень древних традиций.

Накопление знаний по отдельным элементам и этапам истории римской армии привело к появлению в 1960-70-е гг. новых обобщающих работ. Интересной попыткой разностороннего осмысления римской военной истории стал сборник «Проблемы войны в Риме» (1969). Отметим здесь, помимо интересной вводной статьи П. Бриссона и упомянутого очерка А. Ле Бонньека, статью Г. Пфлаума, в которой подчеркнуто значение военной службы как фактора социальной мобильности, отмечена характерная для Рима дихотомия *miles* и *civis*, а также сплачивающая сила традиционных военно-религиозных ритуалов, воинской дисциплины и корпоративного духа. В книге Г. Вебстера (1969) основное внимание уделено организации, вооружению, тактике и условиям службы в римской армии I-II вв., но ни политические, ни социальные, ни идеологические аспекты (за исключением краткой характеристики армейской религии) освещения не получили. В ином ключе написана монография Г. Уотсона (1969). Вопросы рекрутирования, обучения, порядка прохождения службы, отношений с гражданским населением и др. рассматриваются с точки зрения жизненного пути типичного римского солдата. Напротив, главная тема книги М. Гранта «Армия цезарей» (1974), написанной скорее в популярном ключе, более глобальна — роль армии в политических событиях и судьбах Империи. Поэтому внутренняя жизнь армии и духовно-идеологический облик римского

солдата остаются за кадром данной работы. Как новаторскую по своим подходам к теме социально-политической роли армии следует выделить книгу Р. МакМаллена «Солдат и штатский в Поздней римской империи» (1963). В ней впервые комплексно были рассмотрены основные невоенные аспекты деятельности армии, определявшие ее роль в государстве и непосредственные взаимоотношения с гражданским обществом. Логика исследования данных аспектов привела к постановке вопроса об особенностях солдатской ментальности по сравнению с мировосприятием людей гражданских. Позднее МакМаллен вернулся к этой проблеме, посвятив специальную статью характеристике легиона как своеобразного сообщества и провозгласив, что пора уже попытаться понять такой феномен, как душа солдата (1984). По мысли автора, складывавшиеся в легионе особые отношения определяли важнейшие ценностные ориентации солдат; мнение и оценка узкого круга товарищей, ревнивое соперничество с другими частями и подразделениями обуславливали поведение воинов на поле боя. Основанная на связях в малых группах внутренняя сплоченность легиона помогала легионерам заявлять о своих требованиях перед лицом властей, а по выходе в отставку адаптироваться к гражданской жизни. Хотя рамки статьи не позволили автору подробно остановиться на многих компонентах воинского этоса, нельзя не отметить плодотворность самого подхода, основанного на признании определенной изоморфности легиона как социального организма и римского общества, взаимообусловленности функциональных, социальных и ментальных факторов в жизни армии.

В статье Г. Альфёльди рассмотрены положение армии в общественной структуре Ранней империи, корреляция социальной эволюции и политической роли армии (1987; дополненный вариант 2000 г.). Отмечая, что при принципате иерархия внутри армии отражала почти во всем многообразии социально-правовую стратификацию римского общества, автор подчеркивает неоднородность положения различных групп военных в общественной структуре. Внутренне дифференцированная и поначалу не укорененная в местных обществах, армия не могла создать «единого фронта» против императорской власти, стать самостоятельной силой, но с конца II в. из органической части общества она начинает превращаться в некое чужеродное образование, внутренне более гомогенное «военное общество». Традиционная общественная иерархия утрачивает в армии свое значение, и военная служба открывает новые возможности социального возвышения. Этой обособленностью армии во многом объясняется ее возросшая политическая активность в период кризиса III в. Под иным углом зрения взаимоотношения армии, общества и государства рассмотрены В. Дальхаймом (1992). Он подчеркнул,

что главной задачей солдата была война, накладывавшая отпечаток на всё его сознание и образ жизни в большей степени, чем какие бы то ни было его социальные связи. Характер же и задачи армии определялись в первую очередь спецификой войн Рима на разных этапах его истории. Но армия все же являлась частью римского мира, средоточием которого были император и аристократия, остававшиеся носителями римских традиций и ценностей, которые сохраняли свое значение и среди простых солдат.

В ряде работ получили освещение отдельные аспекты системы ценностей римской армии. Система наград и знаков отличия была детально рассмотрена в монографии В. Максфилд (1981), которую от предшествующих работ на данную тему отличает не только более широкий охват материала, но и стремление выяснить ценностное значение воинских почестей. Для современных исследователей представляется очевидным, что ни римская тактика, ни военная мысль, ни отношение к армии и военной профессии в обществе не могут изучаться без учета системы традиционных моральных ценностей и представлений. В таком ключе разрабатывается и тема «полководец и войско». В монографии Б. Кэмпбелла (1984) наряду с традиционными вопросами (присяга, жалование, донативы, почетные наименования воинских частей, чинопроизводство, политическая лояльность и др.) впервые специально обращено внимание на социально-психологические и идеологические стороны взаимоотношений императора и солдат в эпоху Ранней империи, рассмотрены неформальные стороны взаимоотношений императора и войска, указано, в частности, на символическое и практическое значение идеи воинского товарищества. Р. Комбэ подробно остановился на комплексе качеств, характеризующих деятельность и образ полководца, его взаимоотношения с войском в эпоху Республики (1966). Н. Розенштайн, обратив внимание на то, что в республиканском Риме военные поражения практически не оказывали влияния на успешность или неуспешность последующей политической карьеры полководцев, пришел к выводу, что причина этого – в своеобразном понимании римлянами роли и личностных качеств полководца (1990).

Среди новейших обобщающих работ по императорской армии выделяется книга Я. Ле Бозка (1989; русск. перев. 2001). В ней армия рассматривается как своеобразный сложный организм, взаимодействующий с обществом в широком контексте социальной и политической истории. Автора интересует в первую очередь социальный и духовный облик римского солдата. Вполне справедливо его мнение о том, что в ментальности военных первостепенное значение имели профессиональные аспекты. В целом же, по мнению французского историка, импера-

торская армия благодаря своему социальному составу выступала как хранительница римских традиций, и легионеры сознавали себя настоящими квиритами. С таким же вниманием к «человеческому фактору» написан и очень интересный очерк Ж.-М. Каррие (1989). Автор стремится реализовать социологический и антропологический подход к римскому солдату, рассматривая его как особый социальный тип, носителя специфической ментальности. По его мнению, как бы ни опустошалось реальное значение статуса гражданства для легионеров, они никогда не вели себя как простые наемники, но отождествляли в своем сознании службу и интересы общества, сохраняя гражданственную (в широком смысле) ответственность.

Рассмотренные работы с очевидностью свидетельствуют о явно обозначившемся в 1980-е гг. повороте к антропологической и социально-исторической проблематике. Эта тенденция получила развитие и в ряде новейших работ, непосредственно посвященных отдельным сторонам воинской ментальности и идеологии. На исключительно важном компоненте солдатской ментальности остановился Дж. Лендон, рассматривая «честь» как своеобразную форму осуществления власти в античном обществе (1997). Армия, по его мнению, была миром с особыми обязательствами. Ориентация на мнение референтной группы делала ее общностью, где честь ценилась исключительно высоко, была связана с высоким престижем физической силы и индивидуальной храбрости, с занимаемым в военной иерархии местом, с сознательным подчинением дисциплине и личной преданностью императору. Внимание к социальным факторам военной деятельности и общественно-политической роли армии нашло отражение в сборнике «Война и общество в римском мире» (1993). На его страницах поднимаются такие темы, как факторы и мотивы римских войн в эпоху Республики, взаимобусловленность военной организации и социальных изменений в Поздней республике, отношение римских поэтов и философов к войне, характер военной политики императоров. Таким образом, в научной литературе все более выраженной становится тенденция к диверсификации изучаемой проблематики, к углубленной разработке таких тем и ракурсов исследования, в которых раскрывается значение «человеческого фактора» и континуитета традиций в развитии римской военной организации. Эта позитивная тенденция, несомненно, заслуживает дальнейшего развития. Немалый задел имеется в изучении вопроса о специфике социальных традиций римской армии. В настоящее время вполне очевидно, что именно здесь нужно искать ключ к пониманию как высоких боевых качеств и политической активности армии, так и специфической ментальности римского солдата.

В отечественной науке начало научного изучения римской императорской армии в России связано с именем Ю.А. Кулаковского, который в конце XIX – начале XX в. исследовал проблемы ветеранского землевладения и обосновал тезис о роли армии в развитии римской государственности. В советской историографии специальных исследований по императорской армии не появлялось до второй половины 1940-х гг. Из общих трудов следует отметить работы Н.А. Машкина, который высказал ряд интересных, хотя и не бесспорных, мнений о политической роли армии в последние годы Республики и о преобразованиях, проведенных Октавианом Августом в военной организации, в частности отметив, что не имеет особого значения вопрос о том, из каких слоев общества комплектовалась армия, ибо служба в ней, отрывая людей от того общественного слоя, откуда они вышли, превращала их в деклассированных ландскнехтов. Эту оценку подвергла критике Е.М. Штаерман, считая, что армия всегда была орудием определенного класса, а солдаты по своему социально-экономическому положению, интересам и идеологии сближались с определенными социальными группами. Во взглядах Е.М. Штаерман, развитых ею в ряде работ, следует также отметить стремление выявить отношение к армии в социально-политических программах различных общественных групп имперского общества, увидеть за распространенными в армии культами определенные идейные комплексы. В литературе 1940-50-х гг. можно назвать также общие труды по военной истории А.А. Строкова и Е.А. Разина, очерки О.В. Кудрявцева, посвященные значению дунайских легионов в истории Римской империи II в. н. э. и работу Е.А. Скрипелева (1949), которая до самого недавнего времени оставалась фактически единственным исследованием по римскому военному праву, но посвящена она ранним (до III в. до н.э.) этапам развития военно-правовых установлений Рима.

В последующие десятилетия преимущественное внимание уделялось армии республиканской эпохе. Интересные оценки роли армии высказал С.Л. Утченко, отметив, что после военных реформ Мария и особенно в результате Союзнической войны солдаты оказываются людьми не связанными с полисной формой собственности и поэтому возникавшие на ее основе политические и идеологические надстройки не могли иметь для них какого-то непререкаемого значения, так что их нетрудно было «перевоспитать» в духе совершенно иных ценностей. Государственно-правовые и политические аспекты военной организации республиканского Рима стали предметом работ А.В. Игнатенко, в которых прослеживается историческая эволюция армии как ведущего элемента римского государства, рассматривается ее роль на отдельных этапах социально-политического развития Республики, а также в период кри-

зиса III в. в Римской империи. Но в силу своей историко-правовой направленности эти исследования никак не касаются собственно ментальных сторон эволюции римской армии. Ряд проблем, связанных с процессом становления постоянной армии в Римской республике в конце III и во II в. до н.э., исследовал эстонский историк М. Тянава, который показал, что начало этого процесса можно отнести к периоду II-й Пунической войны. Некоторые вопросы, касающиеся взаимоотношений императоров и войска, принципов комплектования армии и условий службы при Юлиях-Клавдиях, были рассмотрены в серии статей Л.В. Болтинской. Военно-политическая история Рима в конце Республики и в правление Августа является предметом содержательных исследований В.Н. Парфёнова. Начав с изучения социально-политической роли армии во времена Цезаря и Второго триумvirата, он обратился затем к проблемам военной политики Августа. Несомненным достоинством предлагаемого им подхода является то, что преобразования в армии рассматриваются во взаимообусловленности с внешнеполитической стратегией и изменениями в составе правящей элиты. Место армии в политической системе и обществе эпохи раннего принципата стало предметом исследований Т.П. Евсеенко. Но в этих работах, написанных без привлечения новой литературы и многих важных источников, интересен только вывод о том, что призыв в легионы со сложившимися корпоративно-профессиональными традициями не уничтожал психологической связи новобранца с гражданским обществом, чему, по мысли автора, способствовало сохранение многих полисно-республиканских традиций во внутренней жизни армии (в частности, института воинской сродки). Некоторые выводы, впрочем, звучат очень спорно (например, о том, что легионы представляли собой атомизированные образования, внутренне ничем не связанные, что солдаты императорской армии были наемниками-добровольцами, лишенными внутренних связей между собой и высоких моральных качеств). Свидетельством оживления в последние годы интереса к армии раннего принципата стало появление ряда работ, в которых рассматривается ее роль в политических событиях и процессах. Впервые специальное внимание было уделено преторианской гвардии (Ю.А. Ушаков, В.В. Семенов). Однако сколько-нибудь оригинальных суждений и подходов в большинстве из имеющихся по данной теме работ не обнаруживается. Более основательной выглядит статья К.В. Вержбицкого (2000), но вывод автора о непопулярности Тиберия в войсках как одной из причин его миролюбивой внешней политики не убедителен.

Различные аспекты социальной истории и идеологии императорской армии активно разрабатываются А.В. Колобовым. Впервые в отечест-

венной историографии он обратился к изучению многих тем: семейное положение римских легионеров и экономическая деятельность армии в пограничных провинциях, римские боевые награды, социальная структура командного состава легионов; исследовал он также религиозные культы армии и некоторые другие сюжеты. Итогом этих исследований стала небольшая книга, написанная как учебное пособие по спецкурсу, – фактически первая в российской науке монография об армии императорского Рима (1999). Однако этот опыт нельзя признать в полной мере удачным, т. к. работа не лишена серьезных погрешностей и скорее лишь намечает важные проблемы и подходы к их трактовке, нежели дает их по-настоящему глубокое освещение. Среди новейших работ, в которых поднимается тема воинской идеологии и ментальности в эпоху принципата, новизной подхода и проблематики обращают на себя внимание исследования М.Г. Абрамзона и А.А. Шаблина. Первый в двух монографиях подробно рассмотрел отражение в монетной пропаганде системы воинских ценностей и культов, роли императора как военного лидера (1992; 1995). И хотя его работы далеко не бесспорны в отдельных суждениях, они все же полезны систематизацией важного нумизматического материала. В статьях и диссертации А.А. Шаблина рассматривается повседневная жизнь римских солдат и ветеранов в Рейнской области и на основе данных иконографии и надписей исследуется их самооценка. С той или степенью подробности и основательности затрагивались некоторые важные вопросы социальной, политической и культурной роли армии, а также религиозная жизнь солдат в работах, посвященных отдельным провинциям (Ю.К. Колосовская, С.М. Рубцов, Н.И. Соловьянов). Весомый вклад в изучение роли военных в государственном аппарате Империи II–III вв. внесли работы А.Л. Смышляева.

Рассмотренными работами практически исчерпывается современная российская историография римской армии времен поздней Республики и Ранней империи. Однако для понимания истоков римских военных традиций важны многие наблюдения и выводы, сделанные В.Н. Токмаковым, который плодотворно занимается изучением военной организации Рима ранней Республики. Для нас особенно важны его исследования сакрально-правовых аспектов воинской присяги и дисциплины. Отметим также небольшую статью И.Л. Маяк, в которой ставится проблема воинского воспитания в раннем Риме (1996). Армия позднеримского и ранневизантийского времени исследовалась в работах С.А. Лазарева, А.В. Банникова и Е.П. Глушанина. В особенности стоит отметить исследования последнего, посвященные различным аспектам военного мятежа и процессу формирования и особенностям военной знати позднеантичной и ранневизантийской эпох.

В целом же приходится констатировать, что, несмотря на наметившиеся в последние годы позитивные сдвиги, изучение императорской армии отнюдь не стало одним из магистральных направлений в российской историографии, а комплекс проблем, связанных с духовными факторами в развитии римской военной организации, все еще остается на периферии исследовательского интереса, в отличие от зарубежной исторической науки, в которой эта проблематика в последние годы разрабатывается все более активно.

Цель и задачи исследования. Общая цель исследования заключается в том, чтобы дать целостное, разностороннее освещение комплекса военных традиций, социокультурных и идеологических факторов, которыми в значительной степени определялись и реальная роль армии в политических и социальных процессах, и историческое своеобразие военной организации как компонента государственно-политической и общественной структуры Римской империи, органически связанного с базовыми характеристиками римского варианта античной цивилизации. Для достижения этой цели необходимо решить следующие конкретные задачи:

- проанализировать в свете новейших дискуссий о методологических проблемах исторического познания некоторые теоретические аспекты и перспективы историко-антропологического исследования римской армии;
- на основе анализа истории изучения императорской армии выделить ведущие тенденции современной историографии и ряд дискуссионных, наименее изученных проблем, относящихся к теме исследования;
- исследовать социально-политические аспекты положения армии в Римской империи, обратив особое внимание на специфическую внутреннюю «социальность» армии, ее восприятие в общественном сознании;
- выявить специфику политической роли армии с точки зрения традиционных форм и «механизмов», присущих таким феноменам, как воинская сходка, войсковая клиентела и военный мятеж;
- реконструировать систему военно-этических традиций и ценностей армии в их взаимосвязи со спецификой военной деятельности, военно-правовыми установлениями, особенностями «национального» характера римлян;
- рассмотреть религиозно-культовую практику императорской армии как особую форму профессионально-корпоративной идеологии, воплощения воинских ценностей и идентичности, как средство морально-психологического и морально-политического воспитания войск;

– основываясь на исследовании содержания, иерархии и внутренней логики ценностно-нормативных понятий и представлений, относящихся к сфере осуществления высшей военной власти, установить их корреляции с практическими установками в поведении римских полководцев, с социально-политическими реалиями Империи и некоторыми базовыми социокультурными параметрами римской цивилизации.

Методологическая основа диссертации. Работа представляет собой попытку реализовать в изучении римской императорской армии круг идей и концепций, выработанных в рамках цивилизационного, социально-исторического и историко-антропологического подходов к познанию прошлого. Поскольку военно-историческая антропология пока еще находится в процессе определения своего предметного поля и проблематики, развиваясь главным образом на материале военной истории Нового и Новейшего времени, в тесном взаимодействии с военной психологией и социологией, во **Введении** дается подробный анализ ряда теоретико-методологических проблем, обосновываются подходы и система понятий, используемые в диссертации. Автор исходил из того теоретического постулата, что поведение людей детерминировано не только и не столько внешними обстоятельствами (экономическими и политическими структурами, классовыми отношениями), сколько той картиной мира, которая утвердилась в их сознании; что побудительные мотивы к действию оказываются производными от идеальных моделей, заложенных в сознании человека религией, культурой, традициями. С этой точки зрения, одной из ключевых для историко-антропологического подхода категорий является понятие ментальности. Выступая как синтетическая категория, наиболее адекватная для понимания – на уровне и макроструктур, и микропроцессов – исторического прошлого в его человеческом измерении, это понятие позволяет интегрировать социальные, культурные, духовно-психологические, этические и идеологические аспекты в характеристике римской армии как особого исторического субъекта. Под ментальностью понимается уровень индивидуального и коллективного сознания, не отрефлектированного посредством целенаправленных усилий мыслителей, живая, изменчивая и при всем том обнаруживающая устойчивые константы магма жизненных установок и моделей поведения, эмоций и автоматизированных реакций, которая опирается на глубинные зоны, присущие данному обществу и культурной традиции (А.Я. Гуревич). Единство той или иной ментальности обеспечивается прежде всего разделяемыми в данной группе ценностями. В самой же системе ценностных ориентаций того или иного коллективного субъекта необходимо различать по меньшей мере два уровня: один относится к *этике*, т.е. к формальному, как правило, пуб-

лично санкционированному и поощряемому в данном обществе, идеологически обоснованному поведенческому коду, нормативному идеалу; второй же принадлежит к сфере практической морали, воплощенной в нравах, привычках, суждениях и оценках, используемых членами группы в их повседневной жизни – его можно обозначить понятием *этнос*, который есть стиль жизни данной группы, принятая в ней иерархия ценностей, часто не совпадающих с теми, что являются предметом этики. Ментальность невозможно изучать на коротких временных промежутках. Генезис и эволюция ее базовых параметров связаны, как правило, с латентными сдвигами. Поэтому вполне закономерна при ее изучении переориентация с динамики и диахронии на статику и синхронию, с развития на функционирование, воспроизводство. К числу важнейших факторов такого воспроизводства относятся традиции, понимаемые как интегральное явление, синтезированно выражающее самые разнообразные виды групповых, социально организованных стереотипов человеческой деятельности.

В качестве определенной теоретической модели в работе использовались некоторые выводы современной военной социологии и психологии. В специальной литературе справедливо подчеркивается, что основой системы воинских ценностей, отличающейся консерватизмом и высоким уровнем конформизма, являются особые условия и компетенция воинской профессии, прежде всего главная функция армии – осуществление насилия. Вполне обоснованы идеи о воинской этике как особом культурно-историческом феномене, который связан с историческими традициями данной нации. Очень важно и то, что армия рассматривается как особая социальная структура, в которой большую роль играют отношения в малых группах. Однако, признавая существование определенных универсальных черт, присущих любому военному сообществу, их обусловленность основополагающими интенциями военного дела, необходимо во избежание анахронизмов и аббераций руководствоваться презумпцией «инаковости» прошлого, следуя принципу историзма.

При изучении традиций, связанных с ролью высших военачальников в римской армии, использовались разрабатываемые в современной историографии социокультурные подходы к функционированию и репрезентации публичной власти (Ю.Л. Бессмертный). Для обозначения социокультурных аспектов военной власти целесообразно использовать понятие *идеология военного лидерства*, под которой понимается совокупность ценностных представлений и парадигм, которые характеризуют принятые в данном обществе (или в определенных его кругах) воззрения на качества полководца и находят свое эксплицитное выражение в официальных формулах восхваления победоносных военачальников, в

пропагандистских лозунгах, в оценках историков, ораторов и авторов военно-теоретических трактатов. На основе такого рода воззрений формируются образцы целеполагания, практические модели и стили поведения военачальников.

Что касается конкретных методов исследования, то для изучения названных феноменов наибольшее значение имеет лексико-терминологический, семиотический и контекстуальный анализ, нацеленный на установление корреляций между структурными, жанровыми и языковыми особенностями привлекаемых текстов, с одной стороны, и мировосприятием их авторов, элементами представленных у них идеологической и ценностной систем – с другой. При этом важны не столько особенности индивидуальных взглядов того или иного античного автора, сколько некие общие идеи, словесные штампы, с помощью которых мыслилась, описывалась, оценивалась, а в конечном счете и воспроизводилась та или другая модель поведения воина и полководца. Был использован также комплекс методов общегуманитарных (герменевтический метод, метод структурно-системного анализа) и общеисторических (иллюстративный, историко-сравнительный, историко-типологический, историко-генетический). При извлечении и интерпретации информации из различных типов письменных источников, для проверки ее репрезентативности и достоверности применялся историко-критический, или филолого-исторический метод, а также другие принятые в современном историческом познании приемы и процедуры источниковедческого анализа. В общем понимании римской цивилизации мы опирались на основные положения разработанной в современном антиковедении концепции римской *civitas* и представления о Римской империи как сложной общественно-политической системе, в которой существенную роль играли полисные традиции и институты, вступавшие в противоречивое взаимодействие с бюрократически-централизаторскими тенденциями. В такую интерпретацию римской истории определяющий вклад внесли такие известные исследователи, как Р. Сайм, Ф. Миллар, К. Николе, Р. МакМаллен, Г. Альфёльди и многие другие, а в отечественной науке – С.Л. Утченко, Е.М. Штаерман, Г.С. Кнабе, В.И. Кузищин, А.Л. Смышляев, на чьи подходы и выводы мы ориентировались при разработке темы как в плане конкретно-исторического исследования, так и в некоторых теоретических обобщениях.

Научная новизна исследования заключается в том, что оно представляет собой, по сути дела, первую попытку последовательно реализовать в изучении римской императорской армии историко-антропологический, социоисторический и цивилизационный подходы. Социально-политические и ментально-идеологические параметры военной

организации Рима интерпретируются в их неразрывном единстве и взаимообусловленности, с максимальным учетом общенсторического контекста. Основной акцент сделан на выявлении продолжающегося бытия исконных традиций и ценностей, их трансформации во взаимодействии с новыми установлениями, появившимися в ходе исторического развития. Для исследования выбраны узловые и наименее освещенные в научной литературе вопросы, изучение которых на основе тщательного анализа всей совокупности источников позволяет во многом по-новому оценить сильные и слабые стороны императорской армии, ее роль в обществе, в политических процессах и структурах Римской империи. Ряд проблем, рассмотренных в диссертации (восприятие армии и солдат в общественном сознании императорской эпохи, воинский этос римской армии, специфические традиции солдатского мятежа), еще не являлся предметом специальных исследований и впервые подробно анализируется автором. В качестве особого предмета исследования выделена совокупность понятий и представлений, характеризующая образ идеального римского военачальника и объединяемая понятием идеология военного лидерства. По некоторым же вопросам, которые уже неоднократно затрагивались в научной литературе (характер и значение культа знамен, взаимоотношения полководца и войска, «профессионализм» высших командиров римской армии), высказаны точки зрения, либо существенно отличающиеся от имеющихся, либо основанные на уточнении и углублении аргументации в пользу ранее сформулированных выводов.

Основные положения, выносимые на защиту, сводятся к следующему.

1) Обозначившийся в последние годы поворот исследовательского интереса в изучении римской армии от истории сражений и структур к исследованию социальных и духовных факторов военной организации императорского Рима стал закономерным результатом развития современной историографии в русле общей антропологизации исторической науки.

2) Качественно новый уровень понимания общественной и политической роли армии в эпоху Империи недостижим без пристального изучения тех традиций, военно-этических ценностей, социокультурных и идеологических параметров, которыми определялось и общее своеобразие римской военной организации, и конкретные механизмы ее функционирования в рамках социальных и государственно-политических структур Древнего Рима.

3) Отправным пунктом в исследовании социально-политических и идеологических аспектов положения армии в римском обществе эпохи

принципата является анализ отношения к профессиональному войску в общественном сознании императорского Рима. Это отношение, как оно выражено в оценках и суждениях античных авторов, фиксирует появление нового социально-психологического типа профессионального солдата и обособление императорской армии в качестве особой социальной группы. За всевозможными пороками, которые приписываются профессиональному войску, обнаруживается и определенная система моральных требований, предъявляемых обществом к людям военной профессии и основанных на традиционно-римских ценностных представлениях.

4) Как особый социальный организм императорская армия, прежде всего ее легионное ядро, оставалась в эпоху принципата по ряду своих характеристик изоморфной структурам гражданской общины, но вместе с тем представляла собой особую, достаточно когерентную корпорацию, имевшую свои задачи, интересы и ценностные ориентации и все более отделявшуюся от гражданского общества, превращаясь в своеобразное военной сословие. Специфическая социальность воинского общества в качестве своей важнейшей основы имела горизонтальные связи воинского товарищества и профессионально-корпоративной солидарности, которые целенаправленно культивировались и служили ключевым средством сплочения частей и подразделений, непосредственно определяя поведение и образ мысли солдат.

5) Специфика военной организации принципата во многом определялась соотношением статусов гражданина и воина. Профессиональный характер императорской армии, своими истоками связанный с традиционным римским отношением к военному делу (в частности, с изначальным дуализмом военной и гражданской сфер деятельности), успешно сочетался с гражданско-общинными по своей сути принципами комплектования легионов, включая отбор солдат в соответствии с определенными моральными требованиями. Легионеры эпохи Империи могут рассматриваться как особая часть римского гражданства, а отнюдь не как наемники.

6) Этим в значительной степени определялись характер и формы участия армии в политике. Институтом непосредственного волеизъявления и самоорганизации военного сообщества была воинская сходка, которая обладала в числе прочих и потестарной функцией, выступая в императорский период как орган подобный комициям и в силу этого обладающий правом наделять властными полномочиями императоров. Соответственно, и в солдатских мятежах эпохи Империи правомерно видеть не только крайнее средство отстаивания солдатами своих узкокорпоративных интересов или инструмент узурпации власти, но и про-

явление гражданского качества римских легионеров, сознававших себя одним из носителей суверенной власти.

7) Отношения императоров и армии можно рассматривать как особый тип патроната-клиентелы, узы которой имели корни в древних традициях аристократической общины и в конце Республики приобрели специфический военный характер. Войсковая клиентела, основанная на своеобразном договоре между императором и войском, предполагала наличие разнообразных неформальных и символических связей, включая развитое в армии династическое чувство, личную преданность, отождествляемую с воинским долгом.

8) Эффективность императорской армии была во многом обусловлена культивированием в ней соответствующих военно-этических ценностей, система которых, с одной стороны, непосредственно коррелировала с основополагающими аксиологическими представлениями римлян, а с другой, модифицировалась в условиях профессиональной армии. С особой наглядностью это проявляется в понимании такой ключевой аксиологической и практической категории, как воинская дисциплина. Особенное значение в римских военных традициях имел дух состязательности, который основывался на фундаментальных ценностных представлениях, связанных с понятиями воинской доблести, чести и славы, стимулировался и закреплялся организационно-практическими установлениями, в частности детально разработанной системой наград и чинопроизводства.

9) Военно-этические идеалы и реальный воинский этос солдат императорской армии были пронизаны сакральными представлениями и неразрывно связаны с индивидуальными и коллективными культовыми практиками, ведущее место среди которых занимали те, что относились к почитанию военных знамен, представлявших в глазах солдат подлинные божественные сущности, близкие к понятию *pnumen*.

10) Комплекс идеологических представлений, социокультурных и практических установок, относящихся к сфере осуществления военного командования, в эпоху Империи сохранял многие традиционные особенности, определявшиеся аристократическим и милитаристским характером римской *civitas*. Это касается таких компонентов римской идеологии и практики военного лидерства, как неразрывная взаимосвязь знатности и доблести, критерии отбора на высшие командные должности, содержание и характер военного воспитания и образования римских военачальников, понимание военной науки, роль личного примера и ораторского искусства полководца в управлении войсками и взаимоотношениях с солдатами. К римским военачальникам эпохи принципата, как и республиканского времени, неприменимы понятия «профес-

сионализм» и «дилетантизм» в их современном понимании, поскольку представления римлян о качествах и роли военного лидера основывались на специфических социокультурных традициях, не знавших дихотомии «профессионализм – дилетантизм».

Практическая значимость исследования заключается в том, что его материалы и выводы могут быть использованы как историками-антиковедами для разработки самых разнообразных научных тем, относящихся к военной, социальной, политической и культурной истории античного мира, так и специалистами по другим периодам всемирной и военной истории для сравнительно-исторического анализа. Результаты исследования могут найти и уже находят применение в преподавательской деятельности на исторических факультетах, при разработке общих и специальных курсов, создании учебных пособий для высшей и средней школы, научно-популярных и справочных изданий, необходимых для распространения исторических знаний.

Апробация результатов исследования. Выводы автора по общим и частным вопросам диссертационного исследования излагались на заседаниях кафедры истории древнего мира и средних веков исторического факультета Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, а также на международных, российских и региональных научных конференциях: Российской ассоциации антиковедов в Институте всеобщей истории РАН (1996, 1998, 2000, 2002, 2003 гг.), на Сергеевских чтениях в МГУ (1995, 1997, 1999, 2001, 2003 гг.), на Жебелевских чтениях и конференции «Античное общество»-4 (СПбГУ, 2001, 2002 гг.), на чтениях памяти проф. Н.П. Соколова в ННГУ (1997, 1999, 2000, 2002 гг.), чтениях памяти С.И. Архангельского в НГПУ (1997, 2001, 2003 гг.), на конференции «Античный мир и варварская периферия: проблема контактов» в Саратовском гос. ун-те (2000 г.), на конференциях, посвященных 50-летию исторического факультета и 25-летию кафедры истории древнего мира и средних веков ННГУ (1996, 1999 гг.), на конференциях в Нижегородском коммерческом институте (2000, 2002 гг.). Результаты исследования отражены также в опубликованных монографиях, статьях, рецензиях, переводах и тезисах докладов, общим объемом около 67 п.л.

Структура диссертации определяется целью и задачами исследования и включает введение, шесть глав, разделенных на параграфы, заключение, список сокращений и список использованных источников и литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы, определяются хронологические рамки, объект и предмет, цели и задачи, научная новизна диссертации, рассматриваются методологические подходы и аспекты исследования, отмечается апробация работы и ее практическая значимость. В **главе первой** рассматриваются источники и историография. В **параграфе 1**, посвященном литературным и юридическим источникам, отмечается, что специфика рассматриваемого предмета и хронологические рамки исследования диктуют особые подходы к отбору и методам интерпретации источников. Для воссоздания по возможности полной картины военных традиций, идеологии и ментальности римской армии ни одно из их свидетельств недопустимо ни игнорировать, ни использовать в отрыве от других. Но для исследования большинства поставленных проблем первостепенное значение имеют литературные источники. В них *miles Romanus* предстает в самых различных своих «ипостасях», в моменты боевых событий и политических потрясений, гораздо реже в обыденных мирных условиях. Но в абсолютном большинстве случаев его активность и внутренний мир показаны «извне», отнюдь не в нейтральном, но в идеологически насыщенном, литературно организованном повествовании, которое создавалось людьми, отделенными от рядовой солдатской массы огромной социальной и культурной дистанцией. В литературных текстах мы имеем дело с определенными образами римского солдата и римского полководца, складывающимися из множества компонентов: универсальных и индивидуальных черт, сюжетных контекстов, стандартных лексем, описывающих добродетели и пороки, ассоциативных рядов, оценочных авторских интонаций и т.д. При этом набор базовых характеристик римского солдата конца Республики и императорского времени обладает поразительной устойчивостью в сочинениях самых разных по содержанию, жанрам, авторской манере, политическим тенденциям и художественным достоинствам. Стереотипность и эмоциональная окрашенность дискурса указывают не только на устойчивую традицию, но и на проблемы, действительно значимые для античных авторов и их аудитории. Выясняя, какими типическими чертами наделяются римские военные в литературных текстах, какие предъявлялись им моральные требования, можно установить ту «систему координат», с которой соотношались сами древние в своих взглядах на армию, и уже исходя из нее отбирать и оценивать факты, способные пролить свет на ценностные доминанты простых воинов. Такой подход позволяет судить о структуре и содержании солдатской ментальности в соответствии с внутренними связями

системы ценностей самих древних, учитывая широкий социокультурный контекст эпохи.

Исходя из названных посылок и с учетом жанровых особенностей, времени создания, позиций авторов различных литературных памятников дается характеристика античной историографии (трудов Полибия, Цезаря, Саллюстия, Дионисия Галикарнасского, Тацита, Иосифа Флавия, Аммиана Марцеллина, Диона Кассия, малых историков, Валерия Максима и др.), произведений биографического жанра (Плутарха, Светония, «Писателей истории Августов», Аврелия Виктора), ораторской, эпистолярной, и философской прозы (Цицерона, Сенеки Младшего, Плиниев Старшего и Младшего, Элия Арстида, Фронтон, Авла Геллия, Юлиана, Либания, Латинские панегирики и др.). В отдельную группу литературных источников выделяются трактаты, посвященные различным вопросам военного искусства («Стратегикос» Онанасдра и труд Вегеция). Учитывая, что в военной науке традиции играли большую роль, чем в других отраслях знания, представляется вполне правомерным осторожное привлечение, преимущественно в сопоставительном плане, также свидетельств как ранних греческих военных теоретиков, так и некоторых византийских авторов, например, Маврикия. Некоторые любопытные фактические свидетельства и штрихи, дополняющие общую картину восприятия солдат и армии в римском обществе, дают и другие литературные произведения эпохи принципата: «Сатирикон» Петрония и «Метаморфозы» Апулея, на страницах которых легионеры появляются в качестве второстепенных, но наделенных характерными чертами персонажей, произведения римских поэтов (Горация, Лукана, Ювенала, Силия Италика и др.), в творчестве которых нашли отражение как исторические события и их восприятие, так и реалии и проблемы современной им эпохи. Нельзя также обойти вниманием данные христианских апологетов II-III вв. (Тертуллиана, Минуция Феликса) и церковных историков (Лактанция, Евсевия, Орозия и др.), которые интересны не только с точки зрения отношения самих христиан к военной службе и свидетельствами о распространении христианства среди римских военнотружеников, но и сведениями об их роли в жизни общества и государства.

Для исследования многих конкретных аспектов социопрофессионального статуса солдат и ветеранов огромное значение имеют юридические источники. Ссылки и цитаты из императорских конституций и произведений юристов дошли до нас в составе «Дигест»; сами тексты императорских рескриптов, эдиктов и мандатов приводятся в кодексах Феодосия и Юстиниана. При обращении к юридическим источникам не следует забывать об историческом подходе в их интерпретации и самом

их нормативном характере: наличие того или иного юридически закреплённого положения еще не означает, что в реальной жизни оно применялось всегда и во всех случаях одинаково. Зачастую какие-либо данные о применении отдельных правовых норм и вовсе отсутствуют.

Откорректировать и дополнить информацию литературных свидетельств позволяют данные документальных источников, рассматриваемые в **параграфе 2**. Это прежде всего разнообразные надписи, которые происходят непосредственно из среды военных, проливая свет на те отношения и взгляды, о которых античные авторы чаще всего умалчивают. Для освещения идеологии военного лидерства, взаимоотношений императора и войска большой интерес представляют почетные надписи и элоги, посвященные римским военачальникам и императорам. Для исследования же ценностных представлений и социальных связей самих солдат особенно важны эпитафии, составляющие примерно три четверти всех известных надписей. В массе своей они предельно лаконичны, используют стандартные формулы и структуру, но в ряде случаев мы располагаем достаточно пространными, оригинальными текстами, в которых скрупулезно отмечаются этапы и наиболее примечательные события служебной карьеры, особыми эпитетами и сентенциями выражается отношение к покойному со стороны того, кто его похоронил. Учитывая принцип экономичности, действовавший при создании лапидарных текстов, следует признать, что в случаях отступления от общепринятого минимального набора сведений акцентировались действительно значимые для данного индивида (и его окружения) моменты. В некоторых случаях для изучения различных аспектов солдатской ментальности не менее показательным, чем сам текст надписи, может быть скульптурное изображение на надгробном памятнике. Незаменимым источником для анализа индивидуальных и коллективных религиозных представлений в их связи с римским воинским этосом и официальной религиозной политикой служат votivные надписи.

Тексты на папирусах, остраконах и деревянных табличках освещают в основном бытовые реалии и служебную рутину и дают довольно скудную, хотя подчас и бесценную, информацию о духовном облике римских военных, а кроме того, предоставляют в распоряжение исследователей уникальные данные о латинском языке и жаргоне солдат. Среди папирусных документов, которые происходят в основном из Египта и из Дура-Европос на среднем Евфрате, имеются немногочисленные солдатские письма к родным (и письма родных солдатам), интересные прежде всего теми живыми подробностями, которые практически невозможно почерпнуть из памятников иного рода. Известны также образцы рекомендательных писем, предоставление которых требовалось при поступ-

лении на службу или для получения более высокого и выгодного поста. Для изучения правового статуса военнослужащих и ветеранов исключительную важность представляют папирусы юридического содержания – императорские решения о наделении ветеранов различными привилегиями, письма императоров провинциальным наместникам и т. п. Особое место занимает папирус, открытый в начале 1930-х гг. в Дура-Европос, где был обнаружен большой архив документов дислоцированной здесь когорты вспомогательных войск (Р. Dur. 54), известный как *Feriale Duranum* и датируемый 223-227 гг. Представляя собой стандартный, используемый, очевидно, во всех римских воинских частях календарь праздников, он во многом по-новому осветил религиозно-культовую практику римской армии.

При относительном дефиците свидетельств, происходящих непосредственно из солдатской среды, немаловажное значение приобретают лингвистические данные – это сохранившиеся в литературной традиции, в надписях и на папирусах слова армейского жаргона, отдельные образцы солдатского фольклора и другие языковые явления. Взятые в комплексе, эти данные позволяют дополнить обобщенный портрет римского воина любопытными штрихами. Существенным дополнением к комплексу письменных источников служат также археологические, изобразительные и нумизматические материалы. Важнейшим результатом археологических работ является не просто обнаружение новых артефактов, в том числе надписей, монет и разного рода изобразительных памятников, но воссоздание того материально-исторического контекста, в котором они бытовали. Весьма информативна также иконография исторических скульптурных рельефов на таких коммеморативных сооружениях, как триумфальные арки, памятные победные колонны Траяна и Марка Аврелия. Для характеристики официально пропагандируемых идей, ценностей и религиозных культов, так или иначе связанных с военной сферой, большой интерес представляют данные нумизматики. Но было бы недопустимой ошибкой преувеличивать связь между монетными легендами и целенаправленной правительственной пропагандой, усматривая в монетах едва ли не главное средство формирования общественного мнения. Сами по себе, без учета свидетельств других источников они все же малоинформативны для основных вопросов нашей темы.

В параграфах 3, 4 и 5 в проблемно-хронологическом плане рассматривается история изучения римской императорской армии в зарубежной и отечественной историографии на протяжении примерно 150 лет, определяются степень изученности темы, основные тенденции и

дискуссионные вопросы современной научной литературы, относящейся к теме исследования.

Глава вторая посвящена рассмотрению идеологических и социальных аспектов положения армии в римском обществе. В 1-м параграфе на основе преимущественно литературных источников анализируется восприятие солдат и армии в общественном сознании императорского Рима. В связи с профессионализацией армии и по мере упрочения «римского мира» война и тем более служившие в армии люди все больше оказываются на периферии общественного мнения, воспринимаются все более отчужденно. Обособление армии проявляется не только в ее пространственном и функциональном отделении от основной массы населения, но и в фактическом выделении армии как самостоятельной социальной группы. Примечательно, что военные и сами противопоставляют себя гражданскому населению, резко отделяя себя от *ragani*, как стали называться на солдатском жаргоне штатские. В литературе позднереспубликанского и императорского времени появляется новый образ римского солдата, чьи социальные качества, поведение и психология оцениваются античными авторами в моральных категориях. Соответствующие характеристики в большинстве случаев эмоционально и риторически окрашены, предвзяты, нередко огульны и анахронистичны, особенно когда речь идет о солдатах времен гражданских войн. В то же время длительная военная служба в отдаленных гарнизонах, постоянные воинские упражнения и труды считались верным средством отвлечь наиболее бедные и беспокойные элементы населения от занятия разбоем, предоставив остальным гражданам возможность спокойно трудиться и наслаждаться миром (Dio Cass. LII.27.1-5). В целом отношение к армии в литературных источниках представляет собой смесь отчуждения, антипатии, презрения и страха. В обобщенном литературном портрете солдат выглядит грубым полуварваром, «нечестивым воякой», бесчестным, алчным и продажным, по своей природе склонным к мятежам, подобно своевольной черни. Яркость многих конкретных эпизодов и деталей в описании солдатского облика и поведения в общем не оставляет сомнений, что эти стандартные пороки действительно присутствовали с военной среде и не были только литературной фикцией, как и подчеркиваемые в войнах бесхитрость, простодушие, склонность к суевериям.

Вместе с тем, позиция большинства античных авторов по отношению к армии, по самой своей морализаторской сути, амбивалентна. Усиленное подчеркивание оппозиции «римское – варварское» может свидетельствовать о том, что общественное мнение хотело видеть в армии один из оплотов римского мира, а за обличительным пафосом и

акцентированием коренных пороков солдатской массы имплицитно присутствует определенный нормативный идеал истинно-римских воинских качеств, который как раз и является критерием, позволяющим оценивать те или иные явления как моральное зло. Жизненная реальность этого военно-этического идеала обнаруживается в тех же литературных источниках, когда они «проговариваются», приводя выразительные факты подлинно-героического поведения простых солдат и командиров, фиксируя неоднородность солдатской массы с точки зрения приверженности воинскому долгу. И, наверное, доверять этим свидетельствам следует не меньше, чем свидетельствам о порочной природе профессионального солдата. И в тех и в других свидетельствах используется система топосов и понятий, в основе которой лежат ключевые ценностные оппозиции, определявшие мировосприятие не только авторов, но и самих солдат. Разумеется, тот факт, что поведение и мораль солдат оцениваются в источниках в соответствии с традиционной шкалой ценностей, не означает тождественности этих ценностей и позитивных компонентов солдатской ментальности. Последние, будучи генетически связаны с первыми, обладали в то же время собственной спецификой, обусловленной эволюцией характера армии. Специфические черты солдатской ментальности обнаруживаются при анализе солдатского жаргона и фольклора. *Sermo castrensis* не отличался изысканностью, но был языком образным и метким, подчас циничным, но выразительным. Римские воины были склонны к бахвальству и малопрстойному юмору, но в то же время не были темной, замуштрованной массой и ценили вольное слово и те узы, которые связывали их с соратниками и императором, к которому они могли иногда обратиться за помощью.

Во 2-м параграфе императорская армия рассматривается как особый социально-политический организм, в жизни которого обнаруживается противоречивое взаимодействие традиционных норм и установлений с новыми моментами, характерными для профессионального войска. Многие социальные элементы, объединявшие людей в гражданской общине, прежде всего сопричастность рядовой массы к осуществлению властных функций, дружеские связи в рамках различных микрообщностей, формы организации социального и сакрального пространства, социально-классовая структура присутствовали в жизни военного сообщества, делая легион и лагерь подобием *civitas*, как она определяется у Цицерона (*De off.* I.17.53-57). Однако в императорский период, когда военная и гражданская сферы были особенно резко разделены, вступление на военную службу влекло за собой кардинальный разрыв с гражданским обществом, который проявлялся во многих отношениях и имел

разнообразные последствия. Понятие родины в сознании солдат все более отождествлялось с военным лагерем, государство и народ замещаются фигурой императора; подчинение *disciplina militaris* вело к ограничению гражданских прав. Тяготы и лишения военной службы, однако, компенсировались системой социальных гарантий и юридических привилегий, развитие которых фактически превращало солдат и ветеранов в особое сословие. Эта тенденция особенно усиливается в конце II – начале III в. Для императорской армии характерен новый тип воина, имеющего особый социально-правовой статус и ценностные ориентации, основанные на приверженности солдат своей части, преданности императору и солидарности со своими боевыми товарищами. Именно эти моменты обуславливали специфическую корпоративность императорской армии.

Одним из важных истоков такой корпоративности были отношения воинского товарищества, которые рассматриваются в параграфе 3. Существование в римской армии различных неформальных групп, основанных на товарищеских связях, подтверждается анализом эпиграфических материалов. Солдатские надписи и нарративные тексты содержат ряд терминов, обозначающих товарищей по службе и имеющих различные смысловые оттенки (*commilito*, *commanipularis*, *contubernalis*, *contiro*, *collega*, *frater* и др.). Надписи фиксируют определенные отношения между сослуживцами, показывая, что, помимо чисто дружеских чувств, основой таких содружеств могли быть земляческие связи или одновременный призыв на военную службу, приверженность тому или иному культу либо членство в одной коллегии. Показательно, что товарищеские связи, сложившиеся за годы службы, нередко сохранялись среди вышедших в отставку ветеранов. По-видимому, существенную роль в развитии неформальных дружеских связей играли малые подразделения, в которых проходила вся повседневная жизнь солдат. Приверженность солдат своей части сознательно культивировалась, в том числе и посредством религиозно-культовых средств. На основе воинского товарищества происходило сплочение так называемых первичных групп, что служило немаловажным фактором боеспособности подразделений и частей, но вместе с тем являлось одной из основ армейской корпоративности. Корпоративность является неотъемлемым качеством профессиональной армии. В социальных, политических и военно-стратегических условиях римской державы военная организации уже не могла основываться только на гражданско-общинных связях воинов, как в классическую эпоху полиса, или на родоплеменных узах, как в войсках варваров, нападавших на границы Рима. В то же время воинское товарищество являлось необходимым социальным элементом,

компенсиравшим отсутствие в военной жизни гражданских и семейных связей. «Корпоративный дух» определял многие существенные черты воинского этиоса и ментальности. Мнение ближайших товарищей и честь подразделения, к которому принадлежал солдат, были первостепенными мотивами его поведения в бою. Воинская корпоративность обнаруживает себя в почитании культов военных знамен и гениев легионов и других подразделений. Она находит свое выражение в особых традициях и индивидуальности каждой данной части. Нельзя, однако, не видеть, что корпоративная солидарность военных нередко оборачивалась их круговой порукой, особенно во время солдатских мятежей и гражданских войн, а также при конфликтах с гражданскими лицами.

В 4-м параграфе «Дихотомия *civis – miles* в Риме позднереспубликанского и императорского времени» речь идет о соотношении статусов гражданина и воина. В этой дихотомии с особенной наглядностью раскрывается своеобразное сочетание древних полисно-республиканских традиций с реалиями профессиональной регулярной армии. Современные исследователи считают возможным говорить о начале превращения римского войска в «постоянную армию с профессиональным оттенком» уже в период Ранней республики в связи с такими факторами, как введение в конце V в. до н. э. (первоначально только эпизодическое) круглогодичной военной службы и, соответственно, платы за нее. Римский профессионализм в военной сфере связан не только с определенными институтами, но и с соответствующими взглядами римлян на военное дело. Институционализируя профессиональную армию, Август и его преемники опирались на это традиционное римское отношение и в то же время вовсе не отказывались от принципа комплектования легионов гражданами, а напротив, предъявляли к потенциальным новобранцам и солдатам определенную систему моральных требований. Сочетание принципа «гражданин – солдат» с профессиональным характером армии можно отнести к бесспорным достижениям военной реформы Августа. Основатель принципата, вероятно, вполне отдавал себе отчет, что без этого принципа армия легко превратиться в наемное войско, которое всегда будет источником повышенной угрозы для власти принцепса. Конечно, и в годы правления Августа, и в последующие периоды истории Империи неоднократно возникали ситуации, когда не приходилось проявлять особую разборчивость при наборе войсковых контингентов, когда лояльность войск императоры вынуждены были приобретать откровенным подкупом. Однако лейтмотивом политики рекрутирования в эпоху Ранней империи оставалась ориентация на гражданский статус легионов, составлявших основу вооруженных сил, акцентирование их привилегированного положения по сравнению с вспомогательными пе-

регринскими частями. Другое дело, что в условиях мировой державы римские легионеры были не просто гражданами города Рима, но географически обширной *Res publica*, служба которой была и службой императору. Императорская армия сохраняла важные полисно-республиканские традиции не только в качестве идеальной нормы, но и в качестве практических установок, закрепляемых правом. Несмотря на неизбежную трансформацию в новых исторических условиях, эти традиции обеспечивали достаточно эффективное функционирование военной организации принципата и особую политическую роль армии.

В главе 3 «Характер и формы участия армии в политических процессах» внимание сосредоточено на значении воинской сходки в жизни армии и политическом механизме Римской империи, на характеристике феномена солдатского мятежа, на сущности и социально-политической роли войсковой клиентелы. Как непосредственный механизм самоорганизации воинского сообщества и выражения властной армии *contiones militares* изучены явно недостаточно. В параграфе 1 после рассмотрения организации и семантически значимых атрибутов воинской сходки дается анализ ее главных функций, к которым могут быть отнесены церемониальная, информационно-агитационная и потестарная. В частности, есть немало примеров, когда *contio* выступает как своего рода судебная инстанция, которая может решить даже судьбу высокопоставленных лиц, в том числе и своих командиров, инициировать назначение на тот или другой пост и рекомендовать к награждению (либо же непосредственно награждать отдельных солдат и военачальников), даровать или санкционировать различные почести (в том числе права гражданства, обожествление умерших императоров и т. д.). Все это свидетельствует о важной роли легионеров как римских граждан, сохранявших *ius suffragii*. В ряде случаев *contio* не только конституируется в качестве органа самоуправления, но становится одной из форм выражения властной воли войска, выступает непосредственным источником верховной власти. Используя институт воинской сходки, армия выступала в качестве ведущей конституционной силы, хранительницы легитимности власти в социально-политической системе акцептации императоров, которая включала три силы – *plebs urbana*, *senatus*, *milites*. Соответствующие традиции, позволявшие войску провозглашать императорами своих избранных, базировались на прецедентах, имевших место еще в период Ранней и Средней Республики. Право войска выбирать и смещать императоров не только реализуется *de facto*, но и признается в период принципата (и тем более Поздней империи) почти официально. Возникшая уже в период раннего принципата тенденция к отстранению сената от участия в выборе и утверждении у власти императоров и в

других легитимационных решениях развивается в период кризиса III в. и закрепляется в эпоху домината. Нельзя согласиться с мнением Е.П. Глушанина, что уподобление армии комициям было просто немыслимо при принципе. Из рассмотренных свидетельств источников вполне определенно можно заключить, что воинская сходка едва ли не на всем протяжении римской истории оставалась институтом, который своими реальными полномочиями и внешним «антуражем» не просто сходствовал с комициями как органом власти граждан, но в некоторых ситуациях выступал в качестве их своеобразной формы. Разумеется, потестарная функция сходки лежала, так сказать, вне «правового поля», в сфере прецедентов и обычая. Но основывалась она на полисно-республиканских традициях, которые не пресекались в эпоху Империи, хотя и подвергались определенным трансформациям. Среди этих традиций надо назвать характерное для римской *civitas* сочетание самых широких властных полномочий носителя империя с его ответственностью и известной зависимостью от суверенного коллектива граждан-воинов. Сохранение таких традиций в армии было одним из необходимых (хотя, конечно, и не достаточным) условий ее политической активности и влияния. Важно подчеркнуть, что эти традиции, институциональным выражением которых была *contio militaris*, с особенной интенсивностью проявлялись в ситуациях кризиса, когда обычные органы и механизмы власти были не в состоянии должным образом выполнять свои функции. Вопрос о том, какими конкретными мотивами руководствовались воины, возводя на престол того или иного претендента, остается спорным. Ясно, однако, что ни успешно отстаивать свои профессионально-корпоративные интересы, ни выступать в качестве решающего субъекта политической борьбы императорская армия была бы не в состоянии без наличия веками выработанных форм своего волеизъявления. Наиболее радикальной из таких форм был военный мятеж.

В параграфе 2 анализируются специфические черты римского военного мятежа, связанные с его правовыми аспектами, особенностями его протекания и действием субъективного фактора, прежде всего с ролью тех представителей воинской массы, которые в источниках именуются зачинщиками и вождями мятежа – *auctores*, *capita*, *duces*, *principes seditionis*. В римском военно-уголовном и государственном праве существовали четкие определения мятежных действий и устанавливались соответствующие санкции, в том числе и в отношении зачинщиков мятежа. Однако на практике отнюдь не всегда эти предписания применялись в полном объеме: очень многое зависело здесь от конкретной ситуации и личной роли военачальников. Для понимания сущности феномена мятежа важно учитывать характер и содержание его оценок в ли-

тературных источниках. В абсолютном большинстве античных описаний солдатских волнений всячески подчеркиваются их анархически-оргиастические аспекты, иррационально-стихийная сторона, для чего используется понятийный ряд, относящийся к социально-психологической патологии: безумие и безрассудство, ярость, чума и зараза. Главные факторы и мотивы солдатского бунта, по мнению большинства древних авторов, коренятся в порочных склонностях, органически присущих солдатской массе в целом. Более конкретные причины и мотивы солдатских возмущений если и называются в литературных источниках, то обычно не удостоиваются сколько-нибудь подробного анализа либо девальвируются самим способом их изложения. Отношение античных авторов к зачинщикам мятежей еще более неприязненное, чем к мятежной солдатской толпе. Для древних авторов типично убеждение, что заговоры и мятежи всегда затеваются людьми изначально порочными, которые руководствуются исключительно низменными, корыстными мотивами. Следует, однако, признать, что даже в ходе серьезного мятежа, несмотря на неизбежные в такой ситуации эксцессы, обнаруживается поразительная способность римских воинов к самоорганизации. Как правило, легионеры стремились сохранять обычный распорядок лагерной жизни, выполняя рутинные служебные обязанности. Вероятно, именно зачинщикам мятежа принадлежала ключевая роль в поддержании такого порядка. Подавление мятежа (или завершение его определенным компромиссом) зависело не только от решительности и авторитета военачальника или от предоставления определенных уступок воинам в ответ на их требования, от использования объективного несоответствия интересов различных групп внутри войска. Существенным фактором преодоления такой критической ситуации, как мятеж, являлись качества самого римского солдата, воспитанные многовековыми традициями: верность профессиональному воинскому долгу, пиетет по отношению к власти и социальному статусу военачальника, развитое чувство солдатской чести, сознательное подчинение дисциплине. К этим качествам и апеллировали полководцы. Разумеется, солдатская среда была неоднородной во многих отношениях, в том числе и в моральном, подверженной к тому же внушению и довольно резким переменам настроения. Ситуация мятежа нередко оказывается настолько «внезаконной», что для ее преодоления недостаточно было средств, предписываемых строгим военным правом. Военачальникам приходилось, далеко выходя за правовые рамки, прибегать к нестандартным методам, варьировавшимся в очень широких пределах — от полного прощения и «ублаговотворения воинов ласковым обращением» (*comitate permulcendum militem*) до «поголовного истребления» мятеж-

ников (*promisca caedes*) (Тас. *Ann.* I.29.3; 48.1). Важно подчеркнуть, что даже после того, как армия Рима окончательно превратилась в профессиональную, римские солдаты не вели себя как простые наемники и их действия так или иначе идентифицировались с коллективными целями Империи. Солдатский мятеж в Риме никогда не был направлен против римского государства как такового. Римские легионеры ощущали себя не наемниками, но, скорее, носителями суверенной власти, партнерами и опорой императора, считая, что они вправе отстаивать собственные интересы не только обращенными к властям просьбами, но и оружием. В моменты кризиса власти военный мятеж мог инициироваться и направляться честолюбивыми претендентами на престол и тем самым превращаться в прямой политический акт. Армия нередко использовалась как средство политического действия. Надо, однако, иметь в виду, что в условиях Империи профессионально-корпоративные интересы армии были неразрывно связаны с вопросом о главном носителе власти. Поэтому практически всякий мятеж являлся актом политическим, независимо от того, имел ли он целью смену субъектов власти или диктовался сугубо корпоративными нуждами солдат. Вполне правомерна и та точка зрения, что узурпации императорской власти путем военного мятежа были «встроены» в имперскую политическую структуру, а их исторические корни связаны не столько с неурегулированностью порядка наследования, сколько с «революционным» происхождением самой императорской власти. Сама череда военных переворотов и солдатских мятежей в истории Империи была бы, наверное, невозможна без тех «мятежных традиций», которые складывались в Риме начиная с раннереспубликанского времени и за которыми правомерно видеть не только форму отстаивания профессионально-корпоративных интересов, но и проявление гражданского сознания римских легионеров.

Если механизм солдатского мятежа вступал в действие, как правило, только в критических ситуациях, то в обычных условиях отношения между императорской властью и армией строились на основе связей, которые, по мнению многих исследователей, можно определить как патронатно-клиентские. Войсковая (военная) клиента и армии-клиенты появились еще в первые десятилетия I в. до н.э. в связи с процессом профессионализации войска и выдвижением военных лидеров нового типа. Эти процессы стали решающим фактором общественных изменений в период Поздней республики и были одним из источников формирования системы принципата. В параграфе 3 на основе критического анализа источников и высказанных в литературе точек зрения на войсковую клиентелу отмечается, что патронатно-клиентельные связи, закрепляемые присягой и обычаем, основывались на своеобразном дого-

воре между императором и войском и действительно составляли важнейшую сторону их взаимоотношений. Персональный характер армий конца Республики и армии принципата вполне отчетливо сознавался современниками. Монополизация войсковой клиентелы принцепсами была одним из ключевых факторов достижения политической стабильности в государстве. С установлением принципата военная служба стала рассматриваться как служба лично императору, а сама армия – как принадлежащая персонально ему не только в силу его полномочий главнокомандующего, но на основе обязательств и связей персонального характера, которые в немалой степени обуславливались воинской присягой, включавшей обязанность хранить личную верность принцепсу и его семейству. Войсковая клиентела включала разнообразные неформальные компоненты, определявшие ее военную специфику (представление об императоре как источнике и распорядителе воинских почестей и материальных благодеяний, развитое династическое чувство, отождествление воинского долга с личной преданностью правителю и его семейству). Наряду с идеальными, символическими и правовыми факторами существенное (а часто и определяющее) значение имело выполнение императором обязательств материального характера, его забота о повседневных нуждах солдат. Специфика войсковой клиентелы заключалась в том, что армия (прежде всего войска из граждан) выступала как одна из «договаривающихся сторон», которая в отличие, например, от столичного плебса брала на себя весьма серьезные обязательства и поэтому могла требовать от правителя-патрона твердого выполнения его части обязательств. В такой системе взаимоотношений воины, оставаясь приверженными единодержавию, ощущали себя не подданными, но партнерами и опорой императорской власти.

Главу четвертую «Система воинских ценностей римской армии» открывает параграф, посвященный анализу комплекса аксиологических и нормативных представлений о воинской дисциплины в их взаимодействии с новыми тенденциями в развитии военной организации. *Disciplina militaris* всегда рассматривалась как фундамент римской военной организации и государственности, поэтому связанные с ней представления относятся к важным компонентам «римского мифа». Ее аксиологическое значение раскрывается через оппозицию между героической нормой, выраженной понятием «суровость», и разнообразными пороками, которые были результатом заискивания и потворства солдатам со стороны военачальников. Если в повествованиях о славном прошлом Рима *severitas* и *ambitio* принадлежат к разным полюсам, то начиная с позднереспубликанского времени в источниках все более настойчиво подчеркивается необходимость соблюдать определенный баланс между

этими двумя полюсами. Такого рода суждения показывают, что в условиях регулярной профессиональной армии для поддержания дисциплины требовались иные средства, нежели в эпоху гражданского ополчения. В императорской армии дисциплина обуславливалась не беспощадностью наказаний или гражданской солидарностью, но организационно-правовыми мерами, систематическим обучением личного состава, различными льготами и привилегиями, корпоративным единством воинских частей, а также личными связями императора и войска. Вместе с тем, дисциплина легионов в значительной степени определялась ценностными представлениями, глубоко укорененными в сознании самих солдат и связанными с понятиями воинской чести и долга. Эта «любовь к послушанию», основанная на традиционных римских ценностях, передавалась из поколения в поколение благодаря традициям, правовым и сакральным нормам, легендарным и живым примерам. Консерватизм римской военной организации и объективные требования военной деятельности делали ориентацию на «суровость» неустранимым фактором в жизни армии, диктуя также и соответствующий стиль командования римским военачальникам.

Не менее значимой категорией системы ценностей римской армии является понятие воинской доблести, которое рассматривается в **параграфе 2** во взаимосвязи с характерным для римских военных традиций агональным духом. *Virtus* всегда трактовалась античными авторами как неотъемлемое национальное качество римлян, как решающий фактор их побед. Специфика римского понимания воинской доблести заключается в том, что данная категория, органически связанная с представлениями о чести и славе, включает в себя ряд нормативных качеств (таких, как стойкость, храбрость, усердие, дисциплина), будучи неотделимой от строгой продуманной организации, выучки и постоянного ратного труда, а также от ревностного состязания. Являясь по своему происхождению аристократической ценностью, римская *virtus* в то же время была моральным ориентиром и для простых солдат. Многие факты римской военной истории подтверждают присутствие в солдатской ментальности исконно римских представлений о воинской доблести, чести и славе, пронизанных всеохватывающим агональным духом. Ревнивое отношение простых солдат к воинской чести и доблести обнаруживается в стремлении публично продемонстрировать лучшие воинские качества, добиться их признания со стороны соратников и командиров. Императивы неписаного кодекса воинской чести нередко превалировали над всеми прочими соображениями, делая состязательность непосредственным и очень действенным регулятором индивидуального и коллективного поведения солдат. Необходимо подчеркнуть, что представления о

воинской чести и славе носили в императорской армии сугубо корпоративный характер: в них доминировало отнюдь не патриотическое начало, но достойная репутация самого воинского коллектива и его вождя. В целом же агональный дух в римской армии, несомненно, получил большее развитие, чем в армиях греческих государств.

Одним из показателей этого является детально разработанная и гибкая система воинских почестей, существовавшая в Риме. Она рассмотрена в **параграфе 3** «Чины и награды в системе воинских ценностей римской армии». В принципе воинские почести в виде повышения в чине и знаков отличия всегда мыслились как вознаграждение за проявленные доблести, хотя в реальной действительности многое зависело от социального происхождения и статуса военнослужащего, его ранга, протекционизма и т.п. обстоятельств. В представлении солдат воинские почести непосредственно связывались с императором, к которому в эпоху Империи полностью перешло право награждать отличившихся и производить повышения по службе. Но, как показывают некоторые эпиграфические источники, в отдельных случаях воинские коллективы могли инициировать предоставление воинских почестей. О большом значении наград и повышений для самих солдат с очевидностью свидетельствуют подробные надписи с перечислением основных этапов и обстоятельств служебной карьеры, а также исполнение обетов богам по случаю повышения в чине. Если продвижение по служебной лестнице подкреплялось солидными материальными выгодами, то знаки отличия всегда оставались, по существу, моральными стимулами, значимость которых напрямую зависела от сохранения традиционных ценностных ориентаций в солдатской среде. Упадок *dona militaria* и выдвижение на первый план сугубо материальных поощрений, видимо, не случайно начинается со времени Каракаллы, когда практически исчезают различия по статусу между солдатами легионов и вспомогательных войск и набирает силу процесс постепенного размывания исконно римских ценностей.

В главе пятой «Воинская ментальность и религия» раскрывается значение религиозной составляющей в воинской ментальности. В **параграфе 1** освещаются общие принципиальные особенности *religio castrensis* как выражения профессионально-корпоративной идентичности воинского сообщества и взаимосвязь религиозно-культовой практики (индивидуальной и коллективной) с реальными ценностными ориентациями солдат. Подчеркивается, что практически все военные установления и традиции римлян – от военной присяги, устройства лагеря, воинских церемоний и ритуалов до практики командования и дисциплины – были неразрывно взаимосвязаны с сакральной сферой. Несмотря на

то, что армейская религиозно-культовая практика отличалась широким плюрализмом, как с точки зрения ее локальных вариантов, так и с точки зрения иерархии самих вооруженных сил, нельзя отрицать вполне определенное единство *religio castrensis*, которое обуславливалось как особенностями самой воинской профессии и устойчивыми традициями, так и целенаправленными усилиями военных властей, использовавших религию как эффективное средство морально-политического и идеологического воздействия на солдатскую массу. По римским представлениям, достойная служба отечеству и императору, воинская доблесть и честь были неотделимы от такой основополагающей ценности, как благочестие – *pietas*. Анализ документальных источников показывает, что эта категория была довольно глубоко укоренена в сознании простых солдат. Конкретное содержание солдатского благочестия в его соотношении с воинскими ценностями иллюстрируется многочисленными вотивными надписями, в которых указываются обстоятельства и мотивировки принесения обетов. Эти документальные свидетельства показывают, что воины напрямую связывали с божественным покровительством свои успехи в служебной карьере и превратностях военной жизни, победы римского оружия, честь своего подразделения, благополучие соратников и императора. Было бы ошибкой недооценивать огромную сплачивающую, воспитательную и стимулирующую роль армейской религии в ее официальных и неофициальных проявлениях, проникнутых не одним только конформизмом и формальной рутинной стародавних ритуалов, но также искренней индивидуальной верой в традиционных римских богов, среди которых первенствующее значение имели главные божества Рима в их военных «ипостасях» и *dii militares*.

Это особенно хорошо видно на примере того почитания, каким в императорской армии были окружены военные знамена, культ которых рассматривается в **параграфе 2**. Играя большую роль в управлении войсками в бою и на марше, *signa militaria* наглядно воплощали индивидуальность воинских частей и подразделений, являлись символами могущества Рима, победоносной мощи легионов, олицетворением воинской славы и чести. Их присутствие в боевых порядках служило действенным моральным стимулом доблестного поведения солдат на поле сражения. Анализ нарративных и эпиграфических источников показывает, что в основе такого отношения римлян к военным знаменам (которое по своей интенсивности практически не имеет аналогий у других античных народов) лежали сакральные представления о сущности *signa*. Они были окружены настоящим культовым почитанием: в их честь приносились жертвы и совершались другие обрядовые действия, они имели специальные святилища, могли выступать как священные гаранты

клятвы, с ними связывались разного рода знамения. Вероятно, почитание знамен было связано с культом Гениев воинских формирований и культами других римских божеств, в том числе Юпитера. По мнению автора, сакральная сущность *signa*, судя по всему, близка к понятию «нумена» — особой божественной силы, присущей предметам и лицам. Следует признать правоту тех исследователей, которые подчеркивали божественную природу римских *signa militaria*, указывая на действительно религиозный характер их культа. В целом же *religio castrensis*, несомненно, выражала и формировала наиболее значимые ценностные приоритеты солдатской жизни, представления о воинском долге и чести, эффективно помогала сохранять исконные римские традиции и идентичность, психологически облегчала бремя тягот и опасностей, придавала определенный смысл жизни и службе солдат, а порой и воодушевляла их на героические деяния.

В главе шестой «Идеология и практика военного лидерства» исследуется широкий круг вопросов, относящихся к осуществлению функций военного командования в римской армии. Исследуемые вопросы связаны прежде всего с такой активно дискутируемой проблемой, как своеобразие «профессионализма» высших римских военачальников. В 1-м параграфе рассматривается значение фактора знатного происхождения в системе отбора и назначения на высшие военные посты и в римских представлениях об идеальном военачальнике. Основной вывод заключается в том, что знатность полководца, а в конечном счете и знатность самого императора, возглавлявшего военную иерархию, в целом сохраняла свое значение в период Ранней империи, когда структура армии была адекватным воспроизведением социальной структуры римского общества. Сохранявшиеся влиятельные экономические и политические позиции высших сословий, их старинные традиции служения государству на военном поприще и общественный престиж не ставили под сомнение монополии сенаторов и всадников на высшие командные должности в вооруженных силах. Вопрос о характере знатности остро вставал лишь для *homines novi*, которые стремились преодолеть существовавшие барьеры. Именно в среде таких людей находили самый положительный отклик идеи о взаимосвязи знатности и военной доблести. В кризисном же III в. социокультурные стереотипы, связанные с понятием знатности, почти полностью утрачивают свое прежнее значение. Соответственно изменяется и система подбора кадров для высших командных должностей.

Своеобразие римской идеологии военного лидерства обнаруживается в представлениях о содержании военных знаний, необходимых полководцу, в системе воспитания и образования будущих военачальников

в Риме. Этим вопросам, рассматриваемым в контексте дискуссии о так называемых *virī militaris*, посвящен **2-й параграф**. Анализ источников дает основания утверждать, что в Риме существовали широкое понимание содержания военных знаний и умений, необходимых военачальнику, и достаточно развитая военная наука, разработанная во многих конкретных аспектах и представленная довольно богатой литературой, которая изучалась как в общеобразовательных целях, так и для непосредственного применения на практике. В число наиболее важных и ценных качеств военачальника входило также владение воинскими умениями и навыками обращения с оружием. Воинская выучка, достигавшаяся постоянными военными упражнениями, входившими в обязательную «программу» воспитания знатного юношества, рассматривалась как неотъемлемый компонент той воинской доблести, которая была концентрированным выражением всех нравственных и «профессиональных» достоинств настоящего римского полководца. В военном деле и военной науке римлян, как ни в одной другой сфере, с особенной наглядностью проявляется характерный для римской традиции приоритет практического знания и опыта над знанием теоретическим. *Scientia* и *ars* полководца также были неразрывно связаны с его *virtus*, которая и была римским эквивалентом современного понятия профессионализма. Командование армиями рассматривалось римлянами не столько как особая профессиональная деятельность и регулярная служба, сколько как важнейшая сфера служения государству, сфера реализации того призвания, которое римская элита считала своей монополией. В соответствии с этими социокультурными парадигмами строились в Риме воспитание и подготовка будущих «генералов», а также система критериев для назначения на командные должности.

3-й параграф посвящен методам морально-психологического и морально-политического воздействия полководца на войско. Сначала (§ 3.1) речь идет о значении личного примера полководца в римских военных традициях. Характерной римской традицией было стремление многих римских полководцев и принцевов внушить своим воинам мысль о том, что они являются их боевыми товарищами и соратниками. Эта идея пропагандировалась и реализовывалась с помощью разнообразных средств, в частности посредством обращения императора (полководца) к воинам как к соратникам (*commilitones*), но, главное, через соответствующую модель поведения полководца-императора, которая, хотя и носила нередко характер архаизирующей стилизации, имела не только знаковое, но и большое морально-психологическое и практическое значение, героизируя и возвышая воинский быт со всеми его атрибутами, создавая особые узы между командующим и солдатской массой, на-

глядно воплощая в лице командующего наиболее ценимые солдатами качества: личную храбрость, готовность к трудам и лишениям, верность и стойкость. Такой стиль командования был глубоко укоренен в римских военных традициях, связанных с персонализированным характером военного лидерства и аристократическим этосом, который отдавал приоритет индивидуальной доблести, а также с пониманием войны как обязательного и достойного гражданина занятия. В свою очередь, оценка солдатской доблести со стороны императора и преданность ему воинов выступают как важные критерии воинской чести и корпоративного единства армии.

Роль ораторского искусства в деятельности полководца рассматривается в **параграфе 3.2** в контексте социокультурных традиций и ценностей римской цивилизации и анализируется как с точки зрения конкретных задач и обстоятельств произнесения различного рода речей перед войсками, так и с точки зрения комплекса тех идеологических представлений, которые составляли образ идеального римского полководца. Автор выступает против высказанного в научной литературе мнения о том, что речи военачальников, обращенные к воинам перед битвой (*adhortationes*, *παράκαλῆσεις*), представляли собой чисто литературный прием, используемый античными историками, и аргументирует вывод, что эти речи, как и выступления на войсковых сходках (*contiones*, *adlocutiones*), составляли важный неотъемлемый компонент деятельности полководца. Отдавая себе отчет в преимущественно литературных целях большинства полководческих речей в сочинениях античных авторов, следует признать, что как само внимание последних к вербальному фактору руководства войсками, так и многие прямые оценки и конкретные детали свидетельствуют о немаловажном практическом значении ораторского искусства военного лидера. В неизбежно кратких увещательных речах перед битвой на первом плане были не столько их собственные ораторские достоинства, сколько сам факт присутствия полководца на поле боя, эмоциональность и индивидуализированный характер его обращения к отдельным воинским частям. Речи же на войсковых собраниях требовали большего искусства и разнообразия ораторских средств, т. к. призваны были решать гораздо более широкий спектр задач в силу тех многочисленных и очень значимых функций, какие имел институт *contio militaris*. Эти речи, в отличие от *hortationes*, монологических по самой своей сути, часто приобретали характер своеобразного диалога военной власти и солдат, активно выражавших свою реакцию и заявлявших о своих требованиях. Для римского полководца важно было не только отдавать приказы, но убеждать, воодушевлять и наставлять своих подчиненных, знать и формировать в нужном русле их

настроения. Ни на поле сражения, ни тем более в моменты политических кризисов и военных мятежей легионерами нельзя было просто повелевать, ибо они оставались гражданами. Характер солдатской аудитории, специфические функции воинской сходимости, условия и обстоятельства произнесения речей перед сражением диктовали также особую манеру и стилистику полководческих речей. Литературный дискурс, и жанровая специфика античной историографии, и идеологически значимые компоненты образа римского полководца, и реальная практика военного командования имели в Древнем Риме один общий, объединяющий их момент. Это – укорененное в сознании античного человека убеждение, что ораторское слово является одним из решающих факторов, определяющих поведение и конкретные действия людей. Власть и авторитет военачальника определялись поэтому не только его военными доблестями и личной харизмой, не только военно-правовыми полномочиями, но и силой его красноречия, посредством которого устанавливался особый модус взаимоотношений военного лидера и солдатской массы.

В Заключении подводятся общие итоги исследования и излагаются его основные выводы. В качестве общего итога отмечается, что традиции и ментальность императорской армии по многим своим параметрам и компонентам непосредственно коррелируют с исконно римской шкалой ценностей, которая обуславливалась гражданско-общинными и аристократическими основами *civitas*. Вместе с тем, очевидно, что на ранних этапах римской истории, когда складывались основные ценностные ориентации римлян, гражданская и военная сферы деятельности членов *civitas* были неразрывны, образуя два взаимодополняющих прища служения отечеству и реализации личных *virtutes* гражданина. С созданием же профессиональной армии единство этих сфер практически исчезает, происходит обособление армии как специфического сообщества и формируется особый воинский этос, базирующийся на профессионально-корпоративных по своему характеру традициях и ценностях, которые в известной степени отрицали или трансформировали прежние идеалы. В то же время консерватизм гражданско-общинных устоев и самих военных традиций обуславливал сохранение ряда основополагающих социально-политических форм и принципов, военно-этических понятий, закреплённых обычаем, сакральными и военно-правовыми установлениями. Консерватизм полисно-республиканских и аристократических традиций наглядно проявляется в сфере высшего военного командования, где также сохранялись многие исконные установки и действовали древние идеологические постулаты, диктовавшие соответствующие критерии и парадигмы поведения полководцев и императора как военного лидера.

**Основные положения диссертации
отражены в следующих публикациях:**

1. Махлаюк, А.В. Политические последствия военных реформ Септимия Севера / А.В. Махлаюк // Из истории античного общества: Межвуз. сб. – Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 1991. – С. 62-75 (0,7 п.л.).
2. Махлаюк, А.В. [Рец. на кн.:] Le Bohec Y. La IIIe légion Auguste. P., 1989; idem. L'armée romaine sous le Haut-Empire. P., 1989 / А.В. Махлаюк // Вестник древней истории. – 1995. – № 1. – С. 211-218 (1,0 п.л.).
3. Махлаюк, А.В. Воинское товарищество и корпоративность римской императорской армии / А.В. Махлаюк // Вестник древней истории. – 1996. – № 1. – С. 18-37 (2,0 п.л.).
4. Махлаюк, А.В. Воинская сходка (contio) в жизни римской армии и политическом механизме Римской империи / А.В. Махлаюк // Власть, человек и общество в античном мире: Доклады конференций 1996 и 1997 гг. – М.: ИВИ РАН, 1997. – С. 131-141 (0,4 п.л.).
5. Махлаюк, А.В. [Рец. на кн.:] Абрамзон М.Г. Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской империи. М., 1995. / А.В. Махлаюк // Вестник древней истории. – 1997. – № 3. – С. 173-178 (0,7 п.л.).
6. Махлаюк, А.В. «Религия и любовь к знаменам». К вопросу о культе знамен в римской армии / А.В. Махлаюк // Боспор и античный мир: Сб. науч. тр. / Под. ред. С.К. Сизова. – Н. Новгород: Нижегород. гуманитарный центр, 1997. – С. 167-180 (0,8 п.л.).
7. Махлаюк, А.В. Заслуги, статус и протекция в системе чиновничества и награды римской императорской армии / А.В. Махлаюк // Проблемы истории и творческое наследие С.И. Архангельского: Тезисы докладов. – Н. Новгород: Нижегородский гуманитарный центр, 1997. – С. 27-29 (0,2 п.л.).
8. Махлаюк, А.В. «Между заискиванием и суровостью». О некоторых аспектах римской воинской дисциплины / А.В. Махлаюк // Вестник древней истории. – 1998. – № 1. – С. 286-300 (1,4 п.л.).
9. Махлаюк, А.В. Воинская сходка (contio) в армии императорского Рима / А.В. Махлаюк // Между войной и миром: История и теория: Межвуз. сб. науч. тр. – Н. Новгород: Нижегородский гуманитарный центр, 1998. – С. 22-29 (0,4 п.л.).
10. Махлаюк, А.В. О роли личного примера полководца в римской армии / А.В. Махлаюк // Проблемы истории и творческое наследие проф. Н.П.Соколова: Материалы межвузов. конф. – Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 1998. – С. 35-37 (0,3 п.л.).
11. Махлаюк, А.В. «Состязание в доблести» в контексте римских военных традиций / А.В. Махлаюк // Из истории античного общества: Межвуз. сб. Вып. 6. – Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 1999. – С. 64-81 (0,9 п.л.).
12. Махлаюк, А.В. Полисная идеология и система комплектования римской императорской армии / А.В. Махлаюк // Античный мир: Материалы науч. конф. – Белгород: Изд-во Белгородского ун-та, 1999. – С. 45-54 (0,4 п.л.).

13. Махлаюк, А.В. «Стратегикос» Онасандра и идеология военного лидерства в Древнем Риме / А.В. Махлаюк // Проблемы антиковедения и медиевистики (к 25-летию кафедры истории древнего мира и средних веков в Нижегородском университете): Межвуз. сб. науч. тр. – Н. Новгород: Нижегородский гуманитарный центр, 1999. – С. 29-35 (0,6 п.л.).

14. Махлаюк, А.В. Дион Кассий Коккейян. Римская история. Кн. LIX. 1-30 / Пер. с древнегреч. и коммент. / А.В. Махлаюк, Н.А. Касаткина, Е.А. Молев и др. // Из истории античного общества: Межвуз. сб. Вып. 6. – Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 1999. – С. 191-227 (2,2 п.л. Авт. вклад – 1,2 п.л.).

15. Махлаюк, А.В. Военная организация Рима в оценке греческих авторов и вопрос о своеобразии римской цивилизации / А.В. Махлаюк // Сравнительное изучение цивилизаций мира (междисциплинарный подход). Сборник статей. – М.: ИВИ РАН, 2000. – С. 259-272 (1,1 п.л.).

16. Махлаюк, А.В. О роли красноречия в деятельности римского полководца / А.В. Махлаюк // Духовный мир человека: проблемы и перспективы. Тезисы докладов Региональной научной конференции. – Н. Новгород: Нижегор. коммерческий ин-т, 2000. – С. 296-299 (0,2 п.л.).

17. Махлаюк, А.В. Армия Римской империи. Очерки традиций и ментальности: Монография / А.В. Махлаюк. – Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2000. – 235 с. (13,7 п.л.)

18. Махлаюк, А.В. Изучение римской армии в современной историографии: итоги, проблемы и тенденции / А.В. Махлаюк // Антиковедение на рубеже тысячелетий: междисциплинарные исследования и новые методики (информатика, подводная археология и создание компьютерной базы данных): Тезисы докладов конференции 29-30 июня 2000 г. – М.: ИВИ РАН, 2000. – С. 69-71 (0,2 п.л.).

19. Махлаюк, А.В. *Seditio militum* в римском военном праве / А.В. Махлаюк // VII чтения памяти профессора Н.П. Соколова: Тезисы докладов. – Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2000. – С. 41-45 (0,2 п.л.).

20. Махлаюк, А.В. *Auctor seditionis*. К характеристике военного мятежа в Древнем Риме / А.В. Махлаюк // Право в средневековом мире. Вып. 2-3 / Сборник статей. – СПб.: Алетейя, 2001. – С. 290-308 (1,2 п.л.).

21. Махлаюк, А.В. *Nobilitas ducis* в римской идеологии военного лидерства / А.В. Махлаюк // Из истории античного общества: Межвуз. сб. Вып. 7. – Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2001. – С. 75-90 (0,8 п.л.).

22. Махлаюк, А.В. Дион Кассий Коккейян. Римская история. Кн. LX. 1-35 / Пер. с древнегреч. и коммент. / А.В. Махлаюк, Н.А. Касаткина, Е.А. Молев и др. // Из истории античного общества: Межвуз. сб. Вып. 7. – Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2001. – С. 205-244 (2,5 п.л. Авт. вклад – 1,5 п.л.).

23. Махлаюк, А.В. Римский полководец в общественном мнении солдат / А.В. Махлаюк // XII чтения памяти профессора С.И. Архангельского: Материалы междунар. науч. конф. – Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2001. – С. 74-82 (0,4 п.л.).

24. Махлаюк, А.В. *Nobilitas ducis*. К характеристике социокультурных аспектов военного лидерства в Древнем Риме / А.В. Махлаюк // Античное обще-

ство IV: власть и общество в античности: Материалы конференции антиковедов 5-7 марта 2001 г. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. – С. 123-129 (0,3 п.л.).

25. Махлаюк, А.В. [Рец. на кн.:] Колобов А.В. Римские легионы вне полей сражений (Эпоха ранней империи): Учеб. пособие по спецкурсу. Пермский ун-т. Пермь, 1999 / А.В. Махлаюк // Вестник древней истории. – 2001. – № 3. – С. 198-207 (1,0 п.л.).

26. Махлаюк, А.В. *Sermo castrensis* как источник изучения ментальности римского солдата / А.В. Махлаюк // Проблемы источниковедения всеобщей истории. Часть I: Проблемы источниковедения истории древнего мира и средних веков. – Белгород: Изд-во Белгородского гос. ун-та, 2002. – С. 32-40 (0,4 п.л.).

27. Махлаюк, А.В. Модель идеального полководца в речи Цицерона «О предоставлении империя Гн. Помпею» / А.В. Махлаюк // Акра. Сборник науч. тр. / Под ред. А.В. Махлаюка. – Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2002. – С. 96-109 (0,8 п.л.).

28. Махлаюк, А.В. Римская императорская армия в контексте социальной истории / А.В. Махлаюк // Вестник древней истории. – 2002. – № 3. – С. 130-153 (2,1 п.л.).

29. Махлаюк, А.В. Римский солдат в зеркале *sermo castrensis* / А.В. Махлаюк // Античность и Средневековые Европы: Межвуз. сб. науч. тр. / Пермск. ун-т. – Пермь, 2002. – С. 53-59 (0,4 п.л.).

30. Махлаюк, А.В. Солдатский мятеж в изображении Тацита: структура нарратива и историческая реальность / А.В. Махлаюк // Материалы VIII чтений памяти проф. Н.П. Соколова. – Н. Новгород, 2002. – С. 39-42 (0,25 п.л.).

31. Махлаюк, А.В. Содержание и характер военного образования в античном Риме / А.В. Махлаюк // Актуальные проблемы истории: Материалы науч. конф. – Н. Новгород: НКИ, 2002. – С. 38-41 (0,2 п.л.).

32. Махлаюк, А.В. Процесс «варваризации» римской армии в оценке античных авторов / А.В. Махлаюк // Античный мир и археология. Вып. 11. – Саратов: Изд-во СГУ, 2002. – С. 123-129 (0,45 п.л.).

33. Махлаюк, А.В. *Scientia rei militaris* (К вопросу о «профессионализме» высших военачальников римской армии) // Вестник ННГУ. Сер. История. – Вып. 1. – 2002. – С. 13-31 (1,7 п.л.).

34. Махлаюк, А.В. Римские войны. Под знаком Марса / А.В. Махлаюк. – М.: Центрполиграф, 2003. – 447 с. (20,0 п.л.)

35. Махлаюк, А.В. Содержание и характер военного образования в античном Риме / А.В. Махлаюк // Антиковедение в системе современного образования. Материалы конференции. – М.: ИВИ РАН, 2003. – С. 104-105 (0,1 п.л.).

36. Махлаюк, А.В. Военные упражнения, воинская выучка и *virtus* полководца / А.В. Махлаюк // Из истории античного общества: Межвуз. сб. Вып. 8. – Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2003. – С. 61-74 (0,8 п.л.).

37. Махлаюк, А.В. Дион Кассий Коккейян. Эпитама LXI-й книги «Римской истории» / Пер. с древнегреч. и комм. / А.В. Махлаюк, В.В. Антонов, И.Ю. Васьева, Е.А. Молев и др. // Из истории античного общества: Межвуз. сб. Вып. 8. – Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2003. – С. 192-208 (2,0 п.л. Авт. вклад – 1,2 п.л.).

38. Махлаюк, А.В. [Рец. на кн.:] Nelis-Clément J. Les beneficiarii: militaires et administrateurs au service de l'Empire (Ier s.a.C. – VIe s. p. C.). Bordeaux, 2000 (Ausonius-publications). (Étude 5). 557 p., ill. / А.В. Махлаюк // Вестник древней истории. – 2003. – № 2. – С. 232-241 (1,0 п.л.).

39. Махлаюк, А.В. Император Юлиан как полководец: риторическая модель и практика военного лидерства / А.В. Махлаюк // Актуальные проблемы исторической науки и творческое наследие С.И. Архангельского: XIII чтения памяти члена-корреспондента АН СССР С.И. Архангельского. – Н. Новгород: НГПУ, 2003. – С. 30-35 (0,35 п.л.).

40. Махлаюк, А.В. Дихотомия *civis – miles* в Риме позднереспубликанского и императорского времени / А.В. Махлаюк // Вестник ННГУ. Сер. История. – Вып. 2. – 2003 (в печати) (2,1 п.л.).

41. Махлаюк, А.В. Ораторское искусство полководца в идеологии и практике военного лидерства в Древнем Риме / А.В. Махлаюк // Вестник древней истории. – 2004. – № 1. – (1,8 п.л.).

42. Махлаюк, А.В. *Religio castrensis* и воинский этос в римской императорской армии / А.В. Махлаюк // *Studia historica*. Вып. III. – М., 2003 (в печати) (1,8 п.л.).